

Bartold,
Istorija
Turkestana
1922

Ng 634
720

Труды Туркестанского Госуд. Университета.

В ы п. 2.

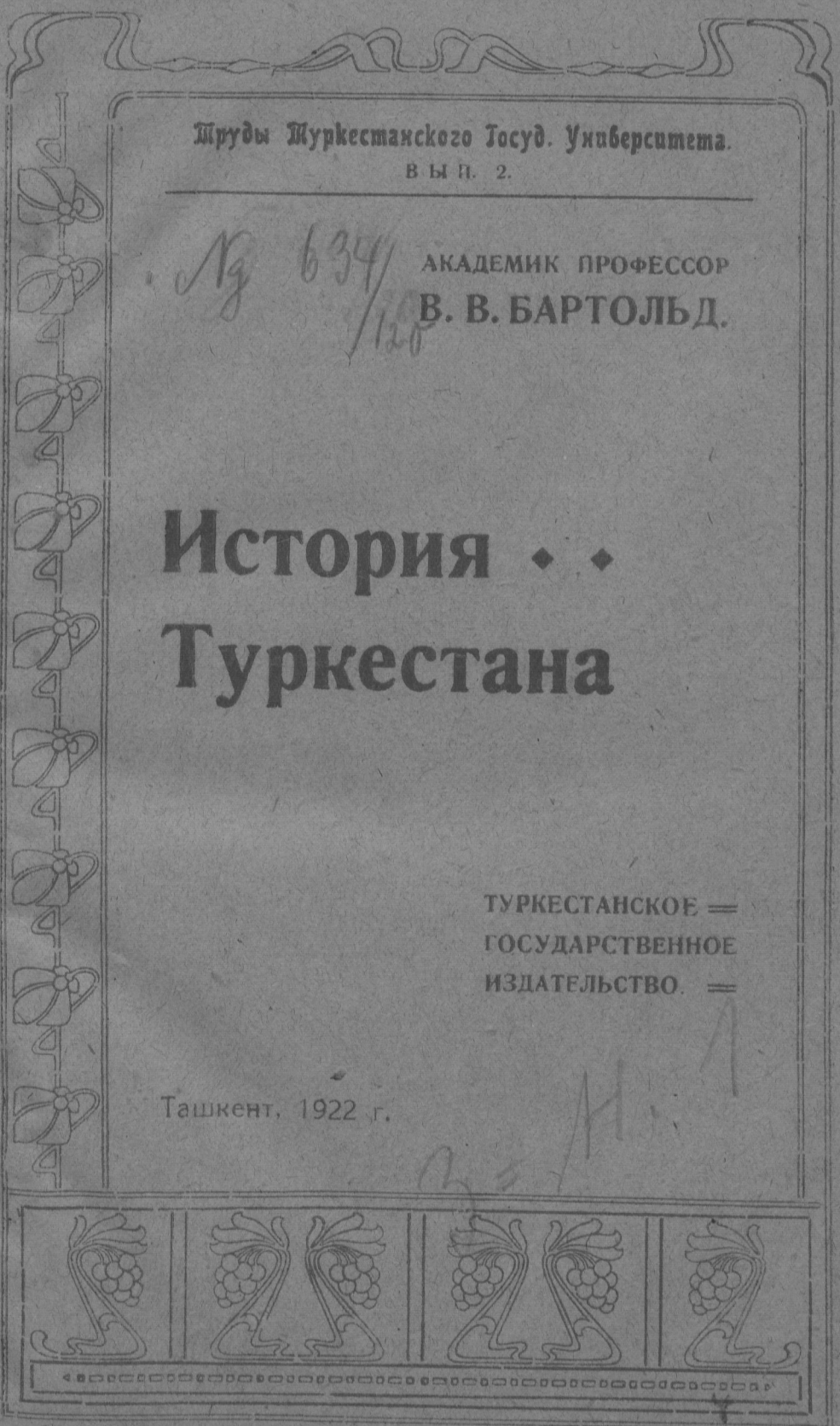
№ 634 / 120

АКАДЕМИК ПРОФЕССОР
В. В. БАРТОЛЬД.

История ♦ ♦ Туркестана

ТУРКЕСТАНСКОЕ =
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО. =

Ташкент, 1922 г.

Труды Туркестанского Государственного Университета выходят
временно отдельными выпусками, заключающими либо небольшие
самостоятельные исследования, либо работы сводного характера.

- Вып. 1. ОТЧЕТ УНИВЕРСИТЕТА 1918—1922 Г. (готовится к печати)
- Вып. 2. АКАД. В. В. БАРТОЛЬД—ИСТОРИЯ ТУРКЕСТАНА (конспект лекций) (вышел).
- Вып. 3. ПРОФ. Д. Н. КАШКАРОВ—ГРЫЗУНЫ ТУРКЕСТАНА (вышел).
- Вып. 4. ПРЕП. М. Г. ПОПОВ—О РАСТИТЕЛЬНОСТИ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (вышел).
- Вып. 5. ПРОТОКОЛЫ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ТУРК. НАУЧН. О-ВА (готовится к печати).
- Вып. 6. ПРЕП. В. М. КОМАРЕВСКИЙ—ОБ ОДНОМ СВОЕМ ТИПЕ ЛИНЕЙНЫХ CONTINUUM'ОВ С ТОЧКАМИ ВЕТВЛЕНИЯ печатается).
- Вып. 7. ПРОФ. В. В. БУШ—ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (печатается).

1 Августа 1922 г.

Труды Туркестанского Государственного Университета.

В Ы П. 2.

АКАДЕМИК ПРОФЕССОР

В. В. БАРТОЛЬД.

1933/253

ИСТОРИЯ
ТУРКЕСТАНА.

◀ ◻ ◻ ◻ ◻ ◻ ◻ ▶

Л
П
В

ТУРКЕСТАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Ташкент 1922 г.

Ташкент, типография № 6 Туркгосиздата.

В. В. Рогов

ТАШКЕНТ
ТАШКЕНТ

Ташкент, типография № 6 Туркгосиздата.

Bibliothek der
Deutschen
Morgenländischen
Gesellschaft

всего
северн
ниями
и не
Закав
нуться
в числ
живши
а в пр
рах б
Д
в Зак
Мурга
не), та
мени,
прос о
ворит
рок,
Восточ
пришл
рано и
западе
называ
Азии,
гие ка
ный ф
югу от
этих
запада
В
ших го
отноше

*)
ф-те Т. П
Н
гласилс

История Туркестана.

(Конспект лекций *)

Туркестан расположен южнее других частей России и раньше всего вошел в круг культурного общения. О греческих городах на северном берегу Черного моря мы располагаем более ранними сведениями, чем о Туркестане, но эти города были иноземными колониями и не оказали прочного влияния на местную культурную жизнь. В Закавказье только некоторые пограничные местности могли подвергнуться влиянию ассирийской культуры; из закавказских народностей в числе подданных персидских царей упоминаются только армяне, жившие тогда преимущественно не в пределах современной России, а в пределах Персии и Турции; первые известия об албанцах и иверах были добыты только во время походов Помпея (I в. до Р. Х.)

Древнее население Туркестана, как оседлое (парфяне и бактрийцы в Закаспийской области, где к Бактрии причислялась местность по Мургабу, хорезмцы на низовьях Аму-Дарьи и согдийцы на Зарешане), так и кочевое (саки), принадлежало к тому же иранскому племени, как персы, основатели первой в истории мировой монархии. Вопрос о родине иранцев остается спорным; большая часть данных говорит за то, что движение иранцев, как впоследствии движение туроков, происходило в направлении с востока на запад и что, как в Восточную Европу (черноморские скифы), так и в Персию иранцы пришли из Средней Азии. Остатки до-иранского населения Персии рано исчезают на северо-востоке и дольше всего сохраняются на юго-западе; повидимому, можно предполагать родство этого населения с так называемыми яфетидами, т. е. несемитическим населением Передней Азии, остатком которого теперь являются грузины и некоторые другие кавказские народности. Загадочным остается недавно установленный факт существования яфетидского языка в одной из областей к югу от Гиндукуша, в Канджуде; не выяснено, следует ли признать этих яфетидов аборигенами данной области или переселенцами с запада.

В западной Персии иранцы подверглись влиянию народов, имевших государственность и письменность, и как в том, так и в другом отношении оказали влияние на своих восточных соплеменников. Мож-

*) Курс Истории Туркестана прочитан акад. В. В. Бартольдом на истор.-филол. ф-те Т. Г. У. в 1920-21 учебн. году.

Наблюдение за печатанием настоящего выпуска и чтение корректур любезно согласился взять на себя проф. А. Э. Шмидт.

Прим. Ред.

но провести аналогию между движением иранцев на Переднюю Азию и движением германцев на Римскую империю, где пришельцами из Германии, франками, была усвоена на западе, в Галлии, и потом принесена на восток, в Германию, идея государственного объединения.

В первоначальной, самостоятельной культурной жизни между средне-азиатскими иранцами выдающееся значение имели хорезмийцы; в последнее время приводятся доказательства в пользу хорезмийского происхождения зороастризма или маздеизма, сделавшегося потом национальной религией иранцев. Из слов Геродота (III, 117) видно также, что до образования персидской монархии Хорезм имел в Средней Азии первенствующее политическое значение. Такой факт находился бы в соответствии с общим историческим явлением—первоначальным развитием культуры в местностях по низовьям больших рек (срв. движение культуры вверх по Евфрату и Нилу). Впоследствии Хорезм уступил культурное первенство Бактрии, где жили наместники персидских царей—Ахеменидов и откуда распространялось культурное влияние Индии.

Греческие сведения о Средней Азии до Александра Македонского крайне скудны; в персидских надписях Дария только перечисляются покоренные персами области, без сообщения каких либо подробностей о их покорении и, вообще, о происходивших в них событиях (кроме Парфии и Бактрии). За то в барельефах гробницы Дария представители входивших в состав его империи народностей, в том числе и среднеазиатских, изображены в своих костюмах, вследствие чего мы имеем здесь „своеобразный и ценный этнологический музей“¹.

В походе Ксеркса на Грецию принимали участие хорезмийцы и индийцы; во время Александра в Хорезме и Индии были независимые от персов владетели, из чего видно, что границы империи на востоке подверглись некоторому сокращению.

Походам Александра мы обязаны первыми географическими сведениями о Туркестане, но только об области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, притом только вдоль среднего течения этих рек; о низовьях обеих рек у греков и впоследствии было неправильное представление обе считались притоками Каспийского моря. По степени культурного развития восточные иранцы значительно уступали западным; согдийцы стояли в этом отношении еще ниже бактрийцев, но и у согдийцев были города, хотя и в небольших размерах: Александру преимущественно приходилось брать „укрепления“ (εχυματα), т.е. замки местной землевладельческой аристократии. Название одного из городов, Мараканды, сохранилось в современном Самарканде. Говорится о культуре риса в Бактрии; о том, какие растения возделывались в Согдиане, сведений нет. За Сыр-Дарьей, повидимому, не было ни городов, ни земледельческих культур. В географических подробностях многое остается неясным вследствие того, что до нас не дошли

¹ Слова Вейсбаха F. N. Weissbach Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis, Лpz. 1911 г.). Барельефы напр. у Sarre и Herzfeld, Iranische Bar eliefs Berl. 1910.

ни составленные по приказанию Александра походные дневники, ни, вообще, первоисточники по истории его войн.

При Александре и его преемниках в Азии, Селевкидах, в Туркестане было построено несколько новых городов, Александрий, Антиохий, Селевкий и т. п. Одна из Антиохий была построена за Сыр-Дарьей; две Антиохии возникли на Мургабе, впоследствии верхний Мерв или „Мерв реки“ (Мерверруд, ныне Бала Мургаб в пределах Авганистана) и нижний или главный Мерв. Мервский оазис при Антиохе Сотере (280—261) для защиты от набегов кочевников был окружен длинными стенами—первое сооружение этого типа в Средней Азии. Основание новых городов продолжалось и после образования в Средней Азии (в середине III в до Р.Х.) самостоятельного греко-бактрийского царства, в состав которого входила и Согдиана; царство Евкратиды (II в.) называли „царством тысячи городов“. Успехам культуры должны были способствовать значительно оживившиеся со времени Александра сношения с Индией, куда направлялись и завоевательные стремления греко-бактрийских царей.

В середине II в. до Р.Х. произошло завоевание северных, впоследствии и южных, областей греко-бактрийского царства средне-азиатскими кочевниками, завоевавшими потом также некоторые области Индии и известными в греческой литературе под общим названием скифов. В том же II веке начались сношения между Средней Азией и Китаем; падение греко-бактрийского царства—первое событие мировой истории, о котором говорят как западные (греческие), так и дальневосточные (китайские) источники.

Почти все, что мы знаем о Средней Азии со II века до Р.Х. до III века по Р.Х., извлечено из китайских источников; свод этих сведений на русском языке дал монах Иакинф Бичурин (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1852 г.). Китайцам мы обязаны первыми сведениями о Фергане, о культурных областях нынешнего Восточного или Китайского Туркестана и о кочевниках среднеазиатских степей. Как греки в Согдиане, так китайцы в Фергане и Восточном Туркестане уже застали земледельческую культуру и городскую жизнь. Из Ферганы китайцы заимствовали культуру винограда и люцерны; кроме того в Фергане, вследствие близости к кочевникам, процветало коневодство,—была особая порода лошадей, ради которых китайцами предпринимались даже военные походы. От китайцев ферганцы научились выпельвать сосуды из золота и серебра и оружие из железа: эти отрасли промышленности процветали в Фергане еще в первые века ислама.

Из кочевых народностей две, усунь, в Семиречье, в Кульджинском крае, и большие юечжийцы на Аму-Дарье, пришли в Туркестан незадолго перед тем, в связи с передвижением народов, вызвавшим падение греко-бактрийского царства. Об участии в этом передвижении кангийцев, западных соседей усуней и северных соседей юечжийцев, китайцы ничего не говорят, не сообщают также, были ли кангийцы коренными

обитателями страны, или, подобно своим соседям, недавними пришельцами. Теперь доказано, что юе-чжи или, вернее, юеши—китайское произношение названия народа кушей или кушанов, упоминаемого на местных монетах и в западных источниках. Часть того же народа, „малые юежжйцы“ китайских источников, осталась в Восточном Туркестане, в местности к востоку от Хотана; как большие, так и малые юежжйцы называлась также тохарами; повидимому, термин „куши“ или „кушаны“ имел более политическое, термин „тохары“ более этнографическое значение. От тохаров получила название область Тохаристан, как называлась в мусульманский период, в тесном смысле, область северного Авганистана между Балхом и Бадахшаном, в обширном смысле—совокупность областей верхних притоков Аму-Дарьи, как левых, так и правых. Тохары, повидимому, были арийцами, на что указывает язык памятников буддийской литературы, найденных в местности к востоку от Хотана, где жили тохары; вопрос об этнографическом происхождении усуней и кангийцев остается спорным. Китайцы описывают их как кочевников, но кроме того упоминаются пять малых кангийских владений, повидимому, подчиненных кочевникам, земледельческих областей; эти области оказались в местности около Ташкента, в Хорезме, на Зарешане, около Катта-Кургана и Бухары, и на Кашка-Дарье около Шахрисябза. Самарканд не упоминается в китайских источниках до V века, чем подтверждаются слова греческих источников, что Мараканда была разрушена Александром; повидимому, вследствие этого события местность у Самарканда на несколько веков утратила свое прежнее значение, и центром культурной жизни долины Зарешана сделалась местность у Катта-Кургана. В пользу этого вывода, основанного на греческих и китайских источниках, есть и археологические данные.

Открытый во II веке до Р.Х. караванный путь из Китая в Переднюю Азию сделался впоследствии главным путем вывоза китайского шелка; тем же путем привозились в Китай с запада из греко-римского мира стекло и хрусталь; под влиянием запада в Средней Азии возникла стеклянная промышленность, как под влиянием востока—металлическая. Выгодами торговых сношений с Китаем больше всего воспользовалась Персия, сначала под властью парфянской династии арсакидова, потом под властью персидской династии сасанидов, всячески препятствовавшая прямым сношениям между Китаем и Римской империей, чтобы сохранить за собой выгодную роль торгового посредника. При сасанидах в руки персов перешли важнейшие пути мировой торговли на суше и на море; влияние сасанидской Персии, вместе с остатками греко-бактрийской культуры и влиянием Китая и Индии, отразилось на повышении культурного уровня среднеазиатских иранцев, особенно согдийцев.

Политическая жизнь в Средней Азии за этот период определялась войнами между собой местных владетелей, особенно в Восточном Туркестане, набегами и завоевательными походами кочевников, с ко-

торыми иногда, кроме местных владетелей, вступали в борьбу также китайцы. В V веке южная часть Туркестана была завоевана хайталами — эфталитами византийских источников, народом по всей вероятности также иранского происхождения, на который было перенесено название „кушаны“. Эфталитам подчинялись и согдийцы; главная ставка их была в Бадахшане; движение их в сторону Индии кончилось неудачно. В VI веке, как указывают, между 563 и 567 г.г., государство эфталитов было завоевано турками, образовавшими самую обширную из существовавших до тех пор кочевых империй, простиравшуюся от границ Китая до границ Персии и Византии; оттого мы об этой империи, кроме китайских известий, имеем также персидские, греческие и армянские. Кочевые иранцы к этому времени окончательно вытеснены из Средней Азии: мусульмане в VII веке их уже не застали. Оседлые среднеазиатские иранцы, согдийцы, сумели использовать обширность и могущество турецкой империи для своих целей; торговые интересы согдийцев, сосредоточивших в своих руках торговлю шелком, были причиной разрыва турок с персами и обмена посольствами между турками и Византией. Значительно развилась также торговля с Китаем; восточные ворота Самарканда назывались „китайскими“; на всех путях в Китай, начиная от самого южного, через Хотан и южную часть Восточного Туркестана к Лоб-нору, до самого северного, через Семиречье, возникали колонии согдийцев. В Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области, где китайцы в II веке до Р. X. застали только кочевую жизнь, путешественник VII века (629—630 г.г.) Сюань-Цзян видел обработанные поля и торговые города.

Вообще, китайские источники для VII века, когда Китай при династии Тан (с 618 г.) достиг высшей степени внешнего могущества, сообщают более подробные сведения о материальной и духовной культуре Туркестана, чем для более ранних эпох. Говорится о возделывании риса в долинах Кашка-Дарьи и Зарешана, о возделывании проса и пшеницы. В трех владениях, в том числе Фергане, были золоченые престолы в виде баранов, в Бухаре в виде верблюда, и китайские известия подтверждают тем, что византийские послы видели в орде турецкого хана позолоченный трон, поддерживаемый четырьмя золотыми павлинами, и серебряные изваяния животных, не уступавшие византийским. Трон и изваяния, очевидно, были сделаны не турками, а подчинившимися им среднеазиатскими иранцами. Даже в мусульманскую эпоху, в X веке, на Самаркандских площадях еще стояли деревянные изображения коней, быков, верблюдов и диких зверей. Около города Кушаний (в нынешнем Катта-Курганском уезде, в местности к северу от реки Зарешана) было здание со стеной живописью, где на северной стене были изображены китайские императоры, на восточной—индийские брахманы и турецкие ханы, на западной—персидские цари и римские императоры.

От среднеазиатских иранцев турками была заимствована пись-

менность; турецкие послы, ездившие в Константинополь в 567 году, привезли с собой грамоту, написанную „скифскими письменами“. Самый старый турецкий алфавит дошел до нас в целом ряде надписей, из которых самые обширные—датированные надписи 732 и 735 г.г. на берегах Орхона, в Монголии; благодаря этим надписям, датскому ученому В. Томсену удалось разобрать алфавит, которому, вместе с языком надписей, присвоено в русской науке название „орхонского“. Не датированные, но, судя по характеру букв, более древние надписи (вероятно VII века), были найдены на Енисее. Небольшие орхонские надписи были найдены и в Туркестане, в долине Таласа, в местности к югу от Аулиз-Ата. Доказывают, что этот алфавит происходит от „согдийского“, т. е. от шрифта среднеазиатских иранцев, древним памятником которого являются торговые документы, найденные в одной башне китайской пограничной стены близ Дун-Хуана. Более доказано согдийское происхождение второго по времени турецкого алфавита, уйгурского, названного так по имени первых оседлых жителей Восточного Туркестана турецкого происхождения. Алфавиты согдийский и уйгурский известны нам по памятникам религиозной литературы, буддийским, манихейским и христианским, относящимся к периоду около VII века. Так называемые согдийские памятники написаны все на одном и том же языке, с диалектическими различиями; ни язык, ни диалекты не могут быть приурочены к определенной местности. Находки были сделаны в Восточном Туркестане, где рукописи сохранились благодаря исключительной сухости климата и куда они могли быть привезены из других мест. Особенности языка и некоторые термины, как названия месяцев, совпадают с тем, что мы знаем из сочинения мусульманского автора XI века Бируни о согдийском языке. Греки называли Согдианой область между Аму Дарьей и Сыр-Дарьей, мусульманские географы понимали под Согдом только бассейн Зарешана, но как далеко на север и на восток был распространен тот согдийский язык, о котором говорит Бируни, хотя бы в качестве литературного, об этом сведений нет.

Представители различных религий пользовались различными алфавитами. У согдийцев буддисты приняли местный алфавит, манихеи и христиане применили к местному языку свои алфавиты. У тюрк-уйгуров мы видим тоже примеры употребления буддистами санскритского алфавита; но потом представители всех трех религий перешли к одному и тому же уйгурскому алфавиту. Некоторые манихейские памятники дошли до нас в двух редакциях, из которых одна написана манихейскими, другая уйгурскими буквами. На двух известных литературных языках Восточного Туркестана, северном (в местности около Кучи) и южном (к востоку от Хотана), до нас дошли до сих пор только памятники буддийской литературы. Северный язык, по недоразумению получивший в немецкой и французской науке название „тохарский“, принадлежит к числу индо-европейских, но не является ни иранским, ни индийским; какому исторически известному

народу он принадлежит и какое место занимал этот народ в истории передвижения индо-европейцев, еще не выяснено. Южный язык, имеющий, повидимому, больше прав на название „тохарский“, по грамматическому строю принадлежит к иранским, по словарному составу больше примыкает к индийским.

Среди находок, сделанных в Восточном Туркестане, до сих пор не было памятников той религии, которая была национальной религией иранцев, как в Персии, так, по крайней мере, и в западной части Средней Азии—зороастризма. От зороастризма сасанидской Персии Туркестанский зороастризм отличался некоторыми местными особенностями; на одну из таких особенностей указывают туркестанские оссуарии—глиняные гробики небольших размеров, с фигурными, частью рельефными изображениями, куда складывались кости трупа, после отделения их от мяса (земля не должна была быть осквернена разложением трупа). Такие оссуарии были найдены только в пределах русского Туркестана, от Катта-Кургана, на Зарэфшане, до Пишпека, в Семиречье; изображения представляют интерес как для истории религии, так и для истории искусства, указывая на сохранение традиций греческого искусства и на влияние искусства сасанидской Персии.

О религиозной жизни до-мусульманского Туркестана мы имеем и некоторые письменные известия, преимущественно для главного города, Самарканды; общины зороастрийцев, манихеев и христиан были в Самарканде еще в X веке, буддизм из Самарканды и других областей был вытеснен еще в до-мусульманский период, но оставался господствующей религией в Тохаристане (в обширном смысле слова) до победы ислама.

В своей политической жизни Туркестан распадался на множество мелких владений; самым сильным владетелем был самаркандский князь, носивший, подобно князю Ферганы, титул „ихшид“. Даже ихшиды были только первыми дворянами землевладельцами и, подобно им, назывались „дижканами“. Дижканы жили в укрепленных замках, остатками которых являются так называемые жилые курганы, сохранившиеся во многих местностях Туркестана, и вполне сохраняли свое господствующее положение. В этом отношении Туркестан в VII веке по Р. Х., несмотря на успехи торговли и промышленности, мало отличался от Туркестана IV века до Р. Х. Размеры городов были невелики; об этом одинаково свидетельствуют письменные известия, китайские и мусульманские, и археологические памятники—городища. Городище Афрасиаб, соответствующее до-мусульманскому Самарканду, главному городу всей страны, занимает пространство меньше двух квадратных верст. Больших успехов достигла городская жизнь в буддийском Тохаристане: второстепенный Термез по пространству был равен Самарканду; Балх, древние Бактры, по всей вероятности, был значительно больше. Этим объясняется то значение, которое имел

Балх в первые века ислама для культурной жизни не только Туркестана, но и всего мусульманского мира.

Князья находились в сильной зависимости от турецких ханов, иногда также от китайских императоров. В состав сасанидской Персии входила только часть нынешней Закаспийской области с Мервом; в некоторых местностях (в Самарканде, Бухаре и Хорезме) чеканились монеты сасанидского типа. Через посредство сасанидской Персии проявлялось влияние римской строительной техники; об этом свидетельствует такое сооружение, как Самаркандский „свинцовый проток“ (джу-и-арзиз)—свинцовая водопроводная труба, проложенная под крышами базаров, каменной аркой и городским рвом, посредством которой вода была проведена в город.

Арабское завоевание—первое после Александра и селевкидов нашествие на Туркестан с запада—вновь присоединило часть Туркестана в политическом отношении к Передней Азии. К Хорасану, как называлась восточная окраина сасанидской Персии, арабами были присоединены области за Аму-Дарьей—Мавераннахр, букв. „то что за рекой“, Заречье. Главным городом всего хорасанского наместничества был Мерв; главным городом Мавераннахра—Самарканд. Главными военными событиями были походы наместника Кутейбы-ибн-Муслима (705—715), взявшего в 712 г. Самарканд—одно из немногих событий истории арабского завоевания, о которых до нас дошли не только арабские, но и местные известия (в письме самаркандского князя в 712 г. китайскому императору). За помощью против арабов местные владетели иногда обращались к турецким ханам и китайским императорам. В конце 30-х годов победы арабов над турками на Сыр-Дарье привели к окончательному распадению турецкой кочевой империи, хотя арабы и не преследовали кочевников в их степях; в 751 г. победа над китайцами в долине Таласа решила вопрос, которой из двух культур, переднеазиатской-мусульманской или дальневосточной-китайской, будет принадлежать господство в Туркестане. Сами арабы смотрели на Туркестан, как на область, отнятую у китайских императоров.

Арабские походы простирались до Кашгара и до восточной части Сыр-Дарьинской области, завоевания—до восточных границ Ферганы, до долины Чирчика и Хорезма, вообще, до границы культурных земель со степью. Для защиты от набегов кочевников долины Чирчика были построены в VIII веке длинные стены; такими же длинными стенами защищалась, например, область Самаркандская, т. е. Согд, в тесном смысле слова; некоторые остатки этих стен, в виде валов, сохранились до сих пор. Хорасанский наместник, или „эмир“, назначался непосредственно халифом или верховным наместником восточной части халифата; наместники большей частью сменялись быстро, но пользовались своим кратковременным господством для приобретения недвижимой собственности, остававшейся потом в руках их потомков. Местные княжеские династии долгое время продолжали су-

ществовать и при арабском господстве, но находились в полном подчинении у хорасанского эмира; иногда в одной и той-же области рядом с туземным князем был и арабский эмир.

В половине VIII века из Хорасана вышло движение, которое привело к падению одной халифской династии — омейядов, и воцарению другой — аббасидов. Отряды из хорасанцев, т. е. среднеазиатских иранцев, впоследствии также из турок, составляли главную восточную опору аббасидских халифов; вельможи хорасанского происхождения занимали главные должности, как в центре халифата так, в особенности, на восточной окраине. Род бармакидов, полновластных министров при первых аббасидских халифах, в IX веке получивших от халифа в управление отдельные области Мавераннахра, с 900 г. сделавшихся эмирами всего Хорасана, также происходил из Балха, что указывает на значение этой области среди других. Бармак, предок бармакидов, и Саман-худат, предок саманидов, выдвинулись еще при хорасанском наместнике Асаде; в 725 г. Бармак по поручению Асада восстановил разрушенный при арабских завоеваниях Балх, куда были переведены жители построенного арабами соседнего города Барукана, едва-ли не единственный в истории мусульманства пример, что построенный мусульманами город был покинут ради восстановления города до мусульманского происхождения. Характерно, что такое торжество культуры побежденных над победителями было одержано именно в буддийской части Ирана; на тот же буддийский Иран указывают известия о возникновении типа мусульманской высшей богословской школы — медресе, о родине первых в Средней Азии мусульманских мистиков — суфиев, о возрождении в Средней Азии персидского языка и литературы. С другой стороны, буддийским, вообще, средне-азиатским Ираном были усвоены в мусульманский период иранские государственные традиции, представителями которых считались, как бармакиды, так и саманиды. Основатель могущества саманидской династии, Исмаил (892—907 г.г.), еще как правитель Мавераннахра, жил в Бухаре, а не в главном городе Мавераннахра, Самарканде; Бухара оставалась местом пребывания саманидов и после подчинения им областей к югу и западу от Аму-Дарьи, так что центр управления бывшим Хорасанским наместничеством теперь был перенесен в область за Аму-Дарьей.

X век, век саманидов, был периодом высшего расцвета арабской географической литературы. Главные произведения ее вошли в серию *Bibliotheca geographorum arabicorum*, издававшуюся голландским ориенталистом де-Гуе (8 томов); мы находим в них подробное описание всех областей мусульманского мира, с перечислением и описанием городов, рек, систем искусственного орошения, со сведениями о торговле, промышленности, обычаях, верованиях, даже о диалектических особенностях. Наши сведения о жизни Туркестана при саманидах отличаются, таким образом, исключительной полнотой не только в

сравнении с предшествующими, но и в сравнении с последующими эпохами.

Только благодаря арабским географам оказалось возможным опровергнуть теорию об изменении в Средней Азии климатических условий вследствие процесса высыхания. Подробные сведения о Туркестане X века показывают, что распределение культурных и степных областей тогда было приблизительно такое же, как теперь, т. е., что процесс высыхания, если он вообще происходит, совершается так медленно, что период в тысячу лет не имеет для него значения.

Из тех же сведений видно, что первые века ислама были для Туркестана эпохой быстрого прогресса. Туркестан VII века по Р. Х. мало отличался от Туркестана IV века до Р. Х. и по степени развития культуры не мог бы выдержать никакого сравнения с сасанидским Ираном; Туркестан X века в этом отношении уже мало отличался от старых культурных областей. Особенно характерны факты, указывающие на значительное увеличение размеров городов, на успехи промышленности и торговли.

Арабы в Туркестане не строили новых больших городов, как в Персии (Шираз и Кум) и Закавказье (Гянджа или Елисаветполь), но при них значительно увеличились размеры прежних. Сопоставление письменных известий с сохранившимися остатками прошлого дает ясную картину постепенного расширения таких городов, как Мерв, Самарканд и Бухара. Точно определяется первоначальное мусульманское городское поселение—шахристан (городище Гяур-Кала в Мерве, городище Афрасиаб в Самарканде, внутренняя возвышенная часть Бухары), цитадель—диз, „крепость“, или кухендуз—„старая крепость“, отсюда кундуз, иногда внутри шахристана (как в Мерве и Самарканде), иногда вне его (как в Бухаре), предместья—рабад, окруженные внешней стеной города (вал Гилякин-Чильбурч в Мерве, вал Дивари-Кыямаг в Самарканде, современная стена Бухары).

Самарканд оставался и после переселения столицы в Бухару самым многолюдным городом Туркестана, центром промышленности и торговли. От китайцев, взятых в плен в битве 751 г., самаркандцы научились выделывать тряпичную бумагу; из Самарканды бумага постепенно распространялась на запад и вытеснила, как в мусульманском мире, так и в христианском, прежний писчий материал—пергамент и папирус; с запада оказала влияние на Персию и через Персию на Туркестан текстильная промышленность; в Самарканде, Бухаре и Хорезме выделывались ткани, получившие название от египетских городов и городов персидской области Фарс. Известностью пользовались также ведарийские хлопчатобумажные ткани, выделывавшиеся в небольшом городе Ведаре, к северо-востоку от Самарканды, средоточии арабских поселенцев; из этого видно, что из арабов переселились в Туркестан не только воители за веру. Больше влияния на распространение городской жизни и промышленности имело, по всей вероятности, переселенческое движение из Персии: только им может быть

объяснено исчезновение из равнинного Туркестана согдийского языка, сохранившегося только в долине горной речки Ягноб, в двух говорах. Согдийский язык уступил место таджицкому, мало отличающемуся от языка Персии. Тазиками или таджиками первоначально называли арабов, по названию племени Тай, одного из племен северной Аравии; турки, повидимому, понимали, слово, «таджик» в смысле „мусульманин“, «человек мусульманской культуры», и применили его, как этнографический термин, к большинству известных им мусульман, т. е. к иранцам, отличая от таджиков арабов. От жителей равнины по языку и, в особенности, по бытовым условиям резко отличались горцы гарча или гальча, от слова «гар»—гора; область горцев называли Гарчиستانом. Как мало отличался в X веке язык Туркестана, по крайней мере язык образованного сословия, от языка Персии, видно из того, что поэты туркестанского происхождения, как Рудеки, могли занять выдающееся место среди персидских поэтов. В Хорезме народ еще продолжал говорить на своем языке, непонятном для прочих иранцев и употреблявшимся даже в письменных документах; повидимому этот язык впоследствии был вытеснен не персидским, а турецким. Одна из особенностей хорезмийского костюма—высокие шапки—сохранилась у северных хивинцев и туркмен; остатком хорезмийского языка являются, несомненно, некоторые термины в области искусственного орошения (арна—большой канал, яб—малый канал), также сохранившиеся только у хивинцев и туркмен.

Уже в IX веке Мавераннахр считался чисто мусульманской страной и население приняло участие в священной войне с неверными; тогда же было положено начало местной богословской школе и преобладанию ханефитского толка; ученый Абу-Хафс бухарский, умерший в 832 г., считается, как написано на его гробнице, «наставником ученых в Мавераннахре». Кроме еврейских общин, существующих и теперь, в X веке существовали общины зороастрийцев и христиан и небольшая община манихеев в Самарканде. Самаркандские зороастрийцы (муги) должны были наблюдать за исправностью «свинцового притока» и за это были освобождены от уплаты подушной подати, налагавшейся в мусульманских государствах на иноверцев; еще в XI веке упоминаются зороастрийцы в Бухаре и Хорезме. В X веке было христианское селение к югу от Сыр-Дарьи, на границе культурной полосы с Голодной Степью; был также большой христианский монастырь к югу от Самарканда, в местности около Ургута, где в последнее время были найдены христианско-сирийские надписи; число христиан, однако, уже тогда уступало числу евреев. Среди самих мусульман сохранялись остатки прежних воззрений и обычаев; поэт Рудеки выражал в своих стихах чисто-языческий взгляд на небо и землю, как на отца и мать людей; в Бухаре до половины X века открыто продавались глиняные статуэтки, первоначально служившие идолами. В сельских местностях еще до сего времени сохранились остатки двоеверия, исреди народных масс, наряду с правоверным

исламом, было распространено шиитство; одно из шиитских движений, вероятно из вражды к аристократии и союзному с ней духовенству, принял под свое покровительство саманидский эмир Наср (914—943), что было причиной его низложения.

Вообще, установившийся при саманидах новый строй жизни в X веке еще не одержал полной победы над старым: предместья, где находились базары и сосредоточивалось торгово-промышленное сословие, уже были многолюднее старых шахристанов, но везде по традиции настоящим „городом“ продолжал считаться шахристан. Самостоятельность князей и землевладельческой аристократии уступила место деспотическому строю передне-азиатского типа и бюрократической централизации; в столице саманидов, Бухаре, вокруг площади Регистан были расположены присутственные места, диваны, числом до десяти; но в некоторых местностях, как в Хорезме, оставались наследственные правители династии домусульманского происхождения; оставались и влиятельные дихканы; так, в Тункете (в долине Ангрена, к югу от Ташкента) жил сильный дихкан, хотя уже не имевший политической власти, но все же продолжавший оказывать влияние на народ. По примеру аббасидских халифов, саманиды окружили себя гвардией из турецких рабов, составлявших их главную военную опору, но еще не было строго проведено, как впоследствии, разграничение между войском и народом; население еще сохраняло остатки своего прежнего воинственного быта и продолжало носить оружие. Из народных масс выходили отряды добровольцев, „борцов за веру“, своего рода казачья вельница, защищавшая границы мусульманских владений против набегов турок, но в то же время представлявшая опасность для внутреннего порядка; об этих отрядах говорится, что они были в одно и то же время „опорой власти и предметом ее беспокойства“. Беспокойным считалось и население главного центра городской жизни, Самарканда; по распоряжению правительства, из-за мятежного настроения жителей были разрушены ворота внешних стен этого города. На свою турецкую гвардию саманиды также не могли вполне полагаться, особенно во время борьбы с войсками турецких ханов. Завоеванию турками государства саманидов в конце X века содействовали измена предводителей турецкой гвардии и дихканов и пассивное отношение народных масс, также не сочувствовавших, повидимому, ни деспотическим стремлениям саманидов, ни бюрократической централизации, тем более, что содержание гвардии и чиновников было невозможно без увеличения налогов.

Новому завоевательному движению среднеазиатских варваров на культурные области предшествовало, как всегда, некоторое вовлечение варваров в сферу влияния культуры. Торговля с кочевниками приносила выгоду и культурному населению, получавшему от кочевников продукты скотоводства, особенно мясо и лошадей; еще более нуждались кочевники в произведениях своих культурных соседей—в хлебе и, в особенности, в предметах одежды. Везде, где происходила торговля ко-

чевников с оседлыми народами — на границах Китая, мусульманского мира и России — кочевники сами пригоняли свои стада к пунктам пограничной торговли, не дожидаясь, пока торговцы приедут в их степи. Кроме нужных им товаров, кочевников привлекали удобные для зимовок местности вдоль берегов больших рек, поросших камышем. Приход кочевников для торговли на зимовку мог обращаться в грабительский набег, против чего принимались меры в виде постройки рабатов (не смешивать со словом „рабад“) — укрепленных жилищ пограничной казачьей вольницы, борцов за веру. Саманидское правительство даже отвело по среднему течению Сыр-Дарьи земли для турецких поселенцев, обязавшихся защищать границу против своих языческих соплеменников. Кроме того торговцы из мусульманского Туркестана знакомили с мусульманской культурой отдельные области, отчасти пользуясь теми путями, которые были проложены до них согдийцами. Главными путями по прежнему оставались пути в Китай, от которых отходили пути на север, к ставкам некоторых кочевых ханов: от Таласа (ныне Аулиэ-Ата) шли 81 день до главной ставки кимаков на Иртыше; из местностей около Турфана шел путь в сторону киргиз, в бассейн верхнего Енисея. Из китайских источников известно, что в первой половине X века мусульманские купцы проникали даже в восточную Монголию на Орхон. В ставку кимаков вел еще другой путь от низовьев Сыр-Дарьи; эта местность не входила в состав саманидских владений, но там были основаны торговые колонии переселенцами из государства саманидов, повидому, частью из местности по среднему течению Сыр-Дарьи, где пограничным укреплением саманидского Мавераннахра был Сауран, частью из Хорезма. Хорезм был обязан своим богатством исключительно торговле с кочевниками, повидому, получившей при исламе значительное развитие; эта торговля сосредоточивалась в северной части Хорезма, с городом Гурганчем (ныне Куля-Ургенч), составлявшей в X веке особое владение, независимое от домусульманской династии Хорезмшахов, в руках которой оставалась только южная часть области. Торговцами из Гурганча ислам и мусульманская культура были перенесены на берега Волги, где волжские болгары сделались мусульманами а в стране Хазар была гвардия из мусульман-хорезмцев. Повидому, хорезмцы и до окончательного утверждения в их стране ислама поступали на службу к хазарам, так как во время набега хазар на мусульманские владения за Кавказом в 764 г. во главе хазарского войска стоял хорезмиец. Как тесна была связь между государством саманидов и Поволжьем, видно из того, что халифское посольство 921/2 г.г., путешествие которого было описано Ибн-Фадланом, ездило на Волгу из Багдада не ближайшей дорогой, через Кавказ, а кружным путем, через Бухару и Хорезм. Благодаря выгодной торговле с кочевниками, эмиры Гурганча усилились настолько, что овладели в конце X века южной частью Хорезма и перенесли титул хорезмшахов на свою династию. Несколько лет спустя, династия саманидов погибла в борьбе с мусульманскими турками.

Успехи мусульманской торговли в то время не всегда сопровождались успехами ислама, как религии. В отличие от буддизма, христианства и манихейства, ислам тогда еще не был миссионерской религией; распространение его считалось делом государства, а не отдельных лиц; мусульмане, совершавшие путешествие с торговой целью, не вели религиозной пропаганды. В VIII веке на китайском языке была литература буддийская, христианская и манихейская, мусульманской же литературы не было, хотя известия письменных источников показывают, что приезжих мусульман в Китае тогда было не меньше, чем представителей других передне-азиатских религий. Таким образом, успехами мусульманской торговли в Средней Азии больше, чем мусульмане, воспользовались для миссионерских целей христиане и манихеи; главные успехи обеих религий среди народов Средней Азии относятся уже к мусульманскому периоду. Пропаганде ислама подвергались преимущественно ближайшие соседи мусульманского мира, в связи с политическим и культурным влиянием мусульманских держав. Независимо от государственных целей, велась пропаганда ислама мистиками-дервишами, едва ли не единственными представителями миссионерства, внешнего и внутреннего, в мусульманском мире. Шейхи дервишских орденов всегда имели большие успехи в степи, чем в культурных областях, но довольствовались своими успехами в ближайших степях и не совершали обширных миссионерских путешествий.

По представлению географов первой половины X века, границы распространения ислама на северо-востоке совпадали с границами саманидского государства. Турки везде противопоставляются мусульманам, за исключением турок на Сыр-Дарье, принявших ислам и вместе с тем сделавшихся подданными саманидов. Пунктом пограничной торговли на северо-востоке оставался Талас, на реке того же имени, завоеванный саманидами еще в 893 г., причем была обращена в мечеть „главная церковь“, из чего видно, что пропаганде ислама здесь предшествовала пропаганда христианства. Едва ли, однако, вполне соответствуют действительности слова географа Ибн-Хаукаля, что никто из мусульман не проникал дальше Таласа, так как за этим городом начинаются кочевья турок-карлуков. Совершенно иную картину рисует географ второй половины X века Макдиси: в поселениях к востоку от Таласа тогда уже были мечети; в Мерке, как некогда в Таласе, в мечеть была обращена церковь; около того же поселения одним из саманидских вельмож был выстроен рабат. К 960 г. историки относят первый пример принятия ислама многочисленным турецким народом (200.000 шатров), причем ничего не говорится о войне за веру; повидимому, можно установить связь между этим фактом и пребыванием при дворе турецкого хана именно в то время мусульманского ученого из Хорасана, Келимати. Известие о принятии ислама турками и о путешествии Келимати относится, вероятно, к тому турецкому ханству, с городами Баласагуном, в долине реки Чу, и Кашгаром, откуда произошло

в
Сем
раз
ли
в
Вы
дру
пад
вост
под

дос
нят
мог
от
был
ском
фав
врем
воз
от
вен
торь
торь
(по
лись
лите
суль
туро
ство
ется
туре
нить
ную
каш
книг
мног
намэ
ский
их п
книг
чески
—в
везир
списк
Сара

в конце X века нападение на государство саманидов. Южная часть Семиречья и северо-западная часть Восточного Туркестана, хотя и разделены высоким снежным хребтом, у кочевых народов часто входили в состав не только одного государства, но и одного удела, так как в Восточном Туркестане нет необходимых для кочевников пастбищ. Высокие горы были, однако, преградой для движения войск; как все другие нашествия кочевников на культурные области Туркестана, нападение турок на государство саманидов было произведено с северо-востока, из Семиречья, а не из Кашгара. В истории Кашгар чаще подвергался завоеванию из Ферганы, чем наоборот.

Турецкий народ, завоевавший владения саманидов, не сохранил достоверных преданий о том, как и при каких условиях им был принят ислам; о первом государе, принявшем ислам, Сатук-Богра-Хане, могилу которого до сих пор показывают в одном селении к северу от Кашгара, существуют только легендарные известия. Так же быстро были утрачены этими турками все воспоминания о своем домусульманском культурном прошлом. Некоторое время наряду с арабским алфавитом продолжали употреблять унаследованный от домусульманских времен уйгурский; потом этот алфавит был забыт; употребление его возобновилось только в период владычества монголов, получивших его от немусульманского населения Восточного Туркестана. В государственной терминологии, особенно в ханских титулах, сохранялись некоторые следы степных и, вообще, домусульманских традиций; так, некоторые мусульманские ханы называли себя китайскими императорами (по турецки—табгач-хан или тамгач-хан), хотя их владения не простирались ни на Китай, ни даже на пограничные с Китаем области. Но литература мусульманских турок сложилась всецело под влиянием мусульманских, особенно, персидских образцов; более раннее ознакомление турок с китайской культурой, буддизмом, манихейством и христианством не оставило в этом отношении никаких следов. Этим и объясняется сухость, бессодержательность и слабое распространение в народе турецких подражаний по сравнению с их образцами. Достаточно сравнить дидактическую поэму Кудатку (или Кудатку-билик), составленную в 462 г. (1069—70 по Р. X.) Юсуфом баласагунским для кашгарского хана (автор говорит, что его произведение было первой книгой на турецком языке, тогда как у арабов и персов книг было много), с написанным в 1082 г. дидактическим произведением Кабус-намэ, впоследствии трижды переведенным на турецкий язык. Персидский автор излагает свои поучения в живом рассказе и подкрепляет их примерами из истории, значительно увеличивающими интерес его книги; в „Кудатку-билик“ действующие лица—безжизненные аллегорические фигуры (справедливость олицетворена в лице государя, счастье—в виде везира, ум—в виде сына везира, довольство—в виде брата везира). До сих пор приведено в известность очень небольшое число списков „Кудатку-билик“; однако, находка, сделанная в 1909 г. в Сарайчиковском поселке при устье Урала (глиняный кувшин с над-

писями, заключающими в себе перифраз некоторых стихов Кудаткубилик), заставляет полагать, что это произведение было все же несколько популярнее, чем можно было бы думать по количеству дошедших до нас списков.

Завоевание государства саманидов мусульманскими турками началось с северо-востока: прежде всего был занят округ Исфиджаба, т. е. нынешний Чимкентский уезд; в 992 г. турецкие войска в первый раз вступили в Бухару, откуда, однако, в тот же год были вынуждены уйти. По договору 996 г. саманиды были вынуждены уступить туркам все свои владения к северу от бассейна Зарешана; в 999 г. во власть турецкого хана перешли также Самарканд и Бухара; последний саманидский претендент погиб в 1005 г., после нескольких неудачных попыток восстановить власть своей династии. Как далеко на Восток простиралось господство этих турок, в источниках не говорится. Еще в 998 г. кашгарский хан Арслан-Хан Али—погиб «мучеником» в борьбе за веру; место его гибели теперь еще указывают к северо-востоку от Янги-Хисара; из этого можно сделать вывод, что область распространения ислама и господство мусульманских турок в то время кончались в небольшом расстоянии к востоку от Кашгара.

В X и XII веках области по обе стороны главного хребта Тянь-Шаня были объединены под властью одной династии, известной в истории под названием караханидов или илек-ханов, но не под властью одного правителя. Как все государства кочевых и полукочевых народов, государство караханидов разделялось на уделы, скоро превратившиеся в самостоятельные владения, границы которых постоянно менялись и между которыми происходили частые войны. Уже в XI веке исчезают все признаки, хотя бы номинальной, верховной власти главы династии; в разных городах правят одинаково независимые владетели, с одинаково громкими титулами. В первое время после завоевания правитель западного Туркестана носил титул «илек», считавшийся повидимому, ниже титула «хан». Первый илек жил и был похоронен в Узгенте, пограничном городе Ферганы; потом, после укрепления власти турецких завоевателей, илеки перенесли свое местопребывание в центральный город области, Самарканд, где еще в XI веке приняли ханский титул. Узгент, при саманидах сравнительно небольшой город (он равнялся $\frac{2}{3}$ Оша), теперь селение Андийанского уезда, хотя и не лишенное торгового значения, был, таким образом, некоторое время местопребыванием владетеля всего Мавераннахра; после переезда илеков в Самарканд, он оставался местопребыванием владетеля Ферганы до постройки монголами в конце XIII века Андийана. К этой лучшей поре Узгента относятся сохранившиеся в нем до сих пор постройки, в том числе минарет высотой в 9 сажен. Близ него находится мазар, т. е. надгробный мавзолей, где, будто бы, по местному преданию, похоронены первый илек и даже сельджукский султан Санджар (умер в 1157 г.), гробница которого

в действительности находится в Мерве. Из надписи на мавзолее видно, что он построен несколько позже, в конце XII века; во всяком случае узгентские постройки представляют интерес, ввиду немногочисленности сохранившихся в Туркестане памятников до-монгольской эпохи. Владетель Ферганы большей частью был независим от Самарканда, хотя самаркандские ханы имели притязание на верховную власть над всем Мавераннахром и в конце XII века называли себя «султанами султанов». Бухара столица саманидов, при караханидах не была ханским городом, хотя некоторыми ханами и там воздвигались постройки, из которых наиболее известен минарет Арслан-хана (высотой в 52 метра), построенный в 1127 г.

Завоевание страны турками и принесенная завоевателями удельная система, сравнительно, мало отразились на состоянии культуры; перерыва в культурном развитии не было; исторические процессы, которые можно проследить в саманидскую эпоху, получили дальнейшее развитие при караханидах. Падение саманидского государства на короткое время подняло значение землевладельческой аристократии, дикханов; об этом свидетельствует появление монет илакского дикхана, при саманидах не имевшего владельческих прав, и упоминание, в рассказах о войнах караханидов, особого отряда дикханов мавераннахра. Но вскоре дикханы утратили даже то значение, которое еще сохраняли при саманидах; в рассказах о политических событиях XII и XIII веков дикханы уже больше не упоминаются; во время обороны Туркестана от монгольского нашествия такой рыцарской конницы, судя по молчанию источников, уже не было. Вероятно, дикханы принимали участие в той борьбе между престолом и военной аристократией (главными представителями последней были начальники турецкой гвардии), которая при караханидах велась с большим ожесточением, чем при их предшественниках; ханы пользовались против аристократии поддержкой народных масс, аристократия имела на своей стороне духовенство. Особенно характерно низложение и убиение, в 1095 г., начальниками турецкой гвардии, по приговору духовенства, популярного среди народных масс самаркандского хана Ахмеда. На разложении сословия дикханов должны были также отразиться дальнейшие успехи городской жизни, торговли и промышленности. В XI веке, при караханидах, завершился начавшийся со времени завоевания процесс перехода жизни из старых «шахристанов» в пригороды, где находились базары, обращение прежних «городов» в «предместья» и «предместий» в «города»; города получили вид тот, который они сохранили до настоящего времени, с главными улицами от ворот к центру, базарными лавками вдоль этих улиц и центральным куполом рынка (чарсу) в месте их пересечения. Тот же процесс мы видим в тех городах нынешнего Туркестана, которые в состав владений караханидов не входили, например, в Мерве. В Бухаре образовалась своего рода аристократическая городская республика, во главе которой стояли садры, т. е. духовные сановники, из „дома Бурхана“

представлявшие интересы богатого класса. Власть садров была уничтожена в начале XIII века не ханами, а народным движением, во главе которого стоял человек из класса ремесленников.

Происходившие в государстве караханидов внутренние междуусобия были использованы внешними врагами, вследствие чего династия уже в XI веке утратила свою независимость, хотя сохранила свое существование до начала XIII века. При падении государства саманидов, часть его, расположенная к югу от Аму-дарьи, перешла под власть другой династии, прежде находившейся в вассальной зависимости от саманидов и получившей в истории название „газневиды“, по имени своего главного города, Газны (в нынешнем Афганистане, к югу от Кабула). Главному представителю этой династии, султану Махмуду (998-1030), удалось отразить нападение караханидов на области к югу от Аму-Дарьи, сохранить под своею властью Балх и до некоторой степени подчинить себе тяготевшие к Балху восточные области современной Бузары; таким же образом им был завоеван подчинявшийся прежде саманидам Хорезм. Преемники Махмуда были вытеснены из Персии и северной части Афганистана нашествием другого турецкого варода, туркмен, живших прежде на низовьях Сыр-Дарьи, откуда они еще в X веке двинулись на юг и в XI веке перешли через Аму-Дарью. Туркмены находились на более низкой степени культуры, чем завоеватели саманидского Туркестана, до принятия ислама не имели письменности и совершили свое завоевательное движение не под главенством ханской династии; в Персию сначала пришли разрозненные толпы туркменского народа, потом отряды под начальством беков (князей), потомков туркменского предводителя Сельджука. Царский титул был принят ими уже в Персии, где они стали называть себя «шахами» и «султанами»; этот последний титул (первоначально означавший не единоличного правителя, но коллективное понятие правительственной власти) был впервые введен ими в официальный обиход и в надписи на монетах, в чем им потом подражали газневиды и караханиды. Эти „сельджукские турки“ или «турки сельджуки» постепенно подчинили себе всю мусульманскую Азию. Уже после укрепления своей власти в Персии и Месопотамии, они обратились на восток, завоевали Хорезм и те области по нижнему течению Сыр-Дарьи, откуда они некогда вышли, и подчинили своей верховной власти караханидов, до кашгарского хана включительно.

Ими была создана идея «султана ислама», как верховного светского правителя всего мусульманского мира, стоящего рядом с халифом, религиозным главой мусульман, освящающим власть султана своим религиозным авторитетом.

Однако, в империи сельджукских султанов, не смотря на все старания их персидских министров, в особенности знаменитого Низам-ал-мулька (убит в 1092 г.), не был проведен принцип государственного единства. Родственники султана получали в управление обширные области, передавали в них власть по наследству и не всегда под-

чинялись власти главы династии; иногда титул султана носили в одно и то же время несколько лиц. Султан Санджар (1118—1157) при жизни своих братьев, Барк'ярука и Мухаммеда, был правителем Хорасана и жил на востоке, чаще всего в Мерве, и после того, как сделался главою династии. На западе в то время носили титул султана другие царевичи; власть Санджара над этими областями была только номинальной, хотя попытки открытого мятежа им успешно подавлялись; в то время, когда в Багдаде и в западной Персии правил его племянник султан Мас'уд (1133-1152), Санджар не заходил на запад дальше Рейя (к востоку от Тегерана). При таких условиях „султан ислама“ был вынужден уступить верховную власть над владениями караханидов новым завоевателям, пришедшим с дальнего Востока, и Туркестан, впервые после распространения в нем ислама, подчинился власти немусульманского народа.

С начала X века, после падения Танской династии, северные области Китая вновь перешли во власть инородческих династий, принимавших китайский императорский титул. Первой из таких династий был дом Ляо (916-1125), вышедший из народа китаев, которому обыкновенно приписывают тунгусское происхождение, но приводились также доводы в пользу мнения, что китаи были монголами. Уже первые правители из дома Ляо прочно утвердили свою власть в Манджурии, Монголии и северном Китае и подчинились влиянию китайской культуры. От народа китаев Поднебесная империя получила новое название, удержавшееся до сих пор у монголов и русских; мусульмане и, по их примеру, западные европейцы прилагали название Кета (Хита) или Ката (Хата) только к северному Китаю, сохранив за южным Китаем, оставшимся до монгольского завоевания под властью национальных династий, старое название Чин (у арабов Син). Владычество китаев имело существенное влияние на этнографический состав населения Монголии (вытеснение из этой страны турецких элементов и занятие ее монголами) и на бытовые условия жизни кочевых народов (замена прежнего культа востока китайским культом юга, с обращением в эту сторону жилищ кочевников).

Еще в XI веке туркестанским мусульманам приходилось отражать нашествие не-мусульманских народов с востока, причем среди этих народов называют и китаев. Более значительное движение китаев на запад произошло после завоевания, в 1125 г., государства Ляо другими выходцами из Манджурии, чжурчженями. Часть китаев или, как их называли мусульмане, кара-китаев (черных китаев), под предводительством одного из родственников прежней династии, покинула свою родину и перешла в западную часть Средней Азии. В письме султана Санджара везиру халифа, написанном в июле 1133 г., говорится о победе кашгарского хана, в нескольких днях к востоку от Кашгара, над „кафиром“, пришедшим несколькими годами раньше из „отдаленнейшей части Туркестана“; сам предводитель кафиров был взят в плен.

Речь идет о победе владетеля Кашгара, Арслан-хана Ахмеда, над войском кара-китаев; историк Ибн-ал-Асир относит эту битву к 1128 г.; вероятно, она произошла несколькими годами позже. Движение кара-китаев через Восточный Туркестан, таким образом, потерпело неудачу; за то увенчалось успехом движение северным путем, через области к северу от Тянь-шаня. После оставления своей родины, кара-китаи впервые прочно обосновались в Тарбагатае, где ими был построен город Имиль, близ современного Чугучака; численность их в то время доходила до 40.000 шатров. Первым мусульманским владетелем, которому пришлось иметь с ними дело, был баласагунский хан, обратившийся к ним с просьбой о помощи против враждебных ему турецких предводителей. Кара-китаи победили врагов хана, но овладели Баласагуном для себя и лишили местного правителя ханского титула. Долина реки Чу оставалась и после местопребыванием кара-китайского государя, носившего титул гурхан; по словам мусульманских авторов, это слово значило „хан ханов“. Китайские историки причисляют гурханов к китайским императорам, приводят китайские названия „годов правления“ каждого из них и называют их династию „западными Ляо“. Насколько известно, это — единственный в истории пример сохранения китайского императорского титула за инородческой династией, вытесненной из пределов Китая; в XIV веке династия Юань, как официально называли в Китае монгольскую династию, считалась прекратившейся после вытеснения монголов из Китая, хотя прямые потомки последнего императора этой династии еще некоторое время господствовали в Монголии.

С берегов Чу гурхан постепенно подчинил своей власти караханидов как восточного, так и западного Туркестана. О битвах с кашгарским ханом сведений нет; сын Арслан-хана Ахмеда, Ибрахим-хан, называется „мучеником“ (шахид); возможно, что он пал в сражении с кара-китаями. Гурхану подчинились и не-мусульманские области восточного Тянь-шаня. Самаркандский хан Махмуд уже в 1137 г. был разбит кара-китаями при Ходженте, но кара-китаи по каким-то причинам не воспользовались тогда своим успехом для завоевания Мавераннахра. В 1141 г. гурхан вмешался в междоусобия в Мавераннахре, как прежде в Баласагуне, только на этот раз он принял сторону турецкой военной аристократии, так как Махмуд-хан обратился за помощью к своему дяде, султану Санджару. 9 сентября 1141 г. войско султана было разбито в Катванской степи, к северу от Самарканда; мусульмане будто бы потеряли убитыми до 30.000 человек. Самаркандский хан бежал вместе с султаном в Хорасан; его брат и преемник, Ибрахим, сделался данником гурхана.

Слухи о поражении могущественнейшего мусульманского султана в битве с немусульманами дошли до крестоносцев, сражавшихся тогда с мусульманами в Сирии и северной Месопотамии, и вызвали появление легенды о христианском царе-священнике Иоачне; полагали что христианский царь, нападающий на мусульман с востока, дойдет до

Иер
поб
он
рок
жай
Дах
сел
от
коч
воен
ство
взи
хан
вал
стве
но
суш
при
зав
исто
ряд
нек
езж
хар
как
века
всем

по
вер
Но,
не
сосе
султ
дин
тат
ние
сел
ган
сел

исто
дар
вен
оде
ним

Иерусалима и там поможет своим единоверцам одержать окончательную победу над врагами христианства; уже в 1145 г. рассказывали, что он дошел до Тигра. В действительности, кара-китаи не задавались широкими завоевательными целями и довольствовались подчинением ближайших мусульманских областей, до Бухары и Хорезма включительно. Даже город Термез, на правом берегу Аму-Дарьи, оставался в руках сельджукского султана. Государство кара-китаев во многом отличалось от обычного типа кочевых империй. Кара-китаи продолжали вести кочевой образ жизни, но в большей степени, чем другие кочевые завоеватели, восприняли китайскую культуру; в их государстве господствовала китайская система подворного обложения: с каждого дома взимали по одному динару (около 5 руб.). Кроме того о первом гурхане говорится, что он никому не раздавал уделов и никому не отдавал под начальство более 100 человек. И впоследствии мы в государстве гурханов не видим признаков существования удельной системы, но не было и единства государственного управления: везде продолжали существовать, в качестве вассалов гурхана, прежние местные династии, при чем наблюдаются в одно и тоже время все три формы вассальной зависимости, которые мы находим впоследствии в разных периодах истории монгольского владычества в России. Во многих местностях, рядом с местным владельцем, был постоянный представитель гурхана; в некоторые области, например, в Хорезм, представители гурхана приезжали только от времени до времени для сбора дани; наконец, бухарский садр в начале XIII века сам отвозил дань в орду гурхана, как впоследствии московский князь в Золотую Орду (в половине XII века в Бухаре был наместник гурхана, которому было предписано во всем поступать по совету садра).

Во второй половине XIII века пределы господства кара-китаев, по сравнению с эпохой султана Санджара, несколько расширились; их верховной власти подчинились теперь не только Термез, но и Балх. Но, вообще, кара-китаи не заботились о дальнейших завоеваниях и даже не принимали мер против усиления войн мусульманских вассалов и соседей, которыми потом поднималось знамя войны за веру. Со смертью султана Санджара (1157 г.) прекратилось могущество сельджукской династии на востоке; в Средней Азии после этого были склонны считать „султанами ислама“, в обязанности которых входило освобождение, по мере возможности, мусульман от владычества неверных, сначала сельджукских султанов западной Персии, потом—усилившуюся в Афганистане династию гуридов, наконец—хорезмшахов, наследственных сельджукских наместников Хорезма.

Конец XII века и начало XIII века—существенный период в истории Хорезма, когда эта область сделалась ядром сильного государства и когда ее правители могли предъявлять притязание на первенство в мусульманской Азии. Уже хорезмшах Текеш (1172-1200 г.г.) одержал победу над своими мусульманскими соперниками; в битве с ним пал в 1194 г. последний сельджукский султан западной Персии

Тотрул, Текеш и его предместники несколько раз начинали войну с кара-китаями, но без особенного успеха; даже сын и преемник Текеша, Мухаммед (1200-1220), в первые годы своего царствования, во время борьбы с гуридами, продолжал платить дань кара-китаем и пользовался их помощью. Впоследствии он, однако, объявил себя освободителем мусульман от владычества неверных и в 1210 г. на берегу Таласа разбил войско кара-китаев. Победа не была решительной; тем не менее она доставила громкую славу султану, который после этого принял титул „второго Александра“ и „султана Санджара“ и стал мечтать о завоевании Китая и образовании мировой империи. Эти мечты о мировом владычестве не осуществились, как вследствие противодействия внешних врагов, так и потому, что не встретили сочувствия среди мусульманских подданных султана. Идея великодержавия в то время вообще не была популярна в мусульманском мире. В истории мусульманского мира мы не находим той связи, как впоследствии в истории Западной Европы, между возвышением политического могущества и успехами торговли и культуры. Внутри мусульманского мира политическое распадение несколько не ослабило культурных связей между отдельными областями. Не было больше единого политического и культурного центра, каким был Багдад, но образование целого ряда соперничавших между собой столиц, причем каждый местный князь старался окружить себя деятелями литературы и науки и этим возвысить блеск своего двора, только содействовало успехам культуры. Внешний мир уже не мог быть для мусульман целью военных предприятий, но мусульманские торговцы и культурные деятели, без всякой правительственной поддержки, проникали гораздо дальше, чем могли бы проникнуть мусульманские военные отряды. В XII веке представители мусульманской военной касты были на службе в одно и то же время и у половецких ханов южной России, и у манджурских императоров северного Китая. Победители средне-азиатских мусульман, кара-китаи, не приняли ислама, но и при дворе их государей имели успех деятели мусульманской культуры; министром последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд-бай. Мусульманские купцы ездили в восточную Монголию; в их руки перешла даже торговля между Монголией и Китаем. Торговля была меновой и, повидимому, не пострадала от расстройств денежной системы в Мавераннахре, где с XI до XIII века дирхемы (так называлась серебряная монета) чеканились из меди, т. е. были введены своего рода медные ассигнации. Деятельность мусульманских специалистов по искусственному орошению создала в монгольском эпосе образ богатыря Сартактая (сартактай по монгольски значило „иранец“, представитель мусульманской культуры), строителя чудесных запруд и плотин.

Султан Мухаммед не приобрел расположения даже освобожденных им жителей Туркестана. В Бухаре он принял сторону представителей аристократии; предводитель народного движения, Мелик (князь) Санджар был увезен из бухары в Хорезм; глава аристократии, садр, мог вер-

нуться в Бухару, но впоследствии садр тоже был низложен и отправлен в Хорезм. Еще хуже было отношение Мухаммеда к караханидам. Хорезмский гарнизон, оставленный в Самарканде, вызвал против себя такое раздражение, что „султан султанов“ Осман, в полном согласии со своим народом, восстал против своих освободителей и вновь сблизился с кара-китаями. Мухаммеду пришлось усмирять потсками крови только что освобожденное им население; династия караханидов, сохранявшая свою власть при кара-китаях, была истреблена. Жители города Баласагуна в Семиречье после битвы при Таласе ждали к себе освободителя и закрыли ворота перед кара-китайскими войсками, но Мухаммед обманул их ожидания, и город был взят кара-китаями. Около того же времени в Семиречье и Кашгарии появились отряды „татарских“ кочевников из Монголии, под влиянием смут, происходивших там в начале XIII века и закончившихся объединением страны под властью Темучина, принявшего титул Чингиз-хан.

Образование империи Чингиз-хана было связано не только с политической борьбой между отдельными народами и племенами, но и с сословной борьбой между степной аристократией и народными элементами. Чингиз-хан был представителем аристократии; простой народ объединялся вокруг его соперника Джамухи, принявшего титул „гурхан“, вероятно, в подражание кара-китаям. Джамуха возбуждал против Чингиз-хана одного врага за другим; Чингиз-хан и его сторонники вышли победителями из всех этих войн; по монгольским преданиям, Джамуха был взят в плен и казнен после победы Чингиз-хана над жившими в Забайкалье мергитами, зимой 1204-5 гг.; мусульманский историк Джувейни говорит, однако, о каком-то богатыре, Гурхане, который ушел от Чингиз-хана к мусульманам и был убит при взятии монголами Бухары в 1220 г. Из этого можно заключить, что Джамуха после своих неудач в Монголии нашел убежище в Туркестане.

Под влиянием происходивших в Монголии событий произошло движение в степи Туркестана „татар“—слово, которое тогда было народным названием монголов; так впоследствии одинаково называли монгольских завоевателей китаец, мусульмане и европейцы. Борьба в Монголии окончилась только в 1208 г., когда были окончательно разбиты мергиты и жившие в западной Монголии найманы; те и другие сначала направились на юг, в страну уйгуров, откуда издавна вел торговый путь в Монголию; кроме того найманы находились под культурным влиянием уйгуров; в их стране Чингиз-хан ознакомился с уйгурской письменностью, которую ввел среди своего народа.

Тем не менее глава уйгуров, носивший титул „идикут“, в 1209 г. выступил против беглецов, нанес им поражение, отложился также от кара-китаев, от которых прежде находился в вассальной зависимости, и изъявил покорность Чингиз-хану. Находившийся во главе найманов Кучлук тогда перешел в непосредственные владения кара-китайского гурхана, вероятно, в южную часть Семиречья; мергиты направились

более северным путем и впоследствии, в 1216 г., были уничтожены войсками Чингиз-хана в Тургайской области. С преследованием мергитов, вероятно, было связано появление отряда этих войск в северной части Семиречья в 1211 г.; мусульманский владетель этой местности, Арслан-хан карлукский, последовал примеру языческого уйгурского идикута, отложился от кара-китаев и подчинился Чингиз-хану. Дальнейшие успехи монголов на западе были задержаны на несколько лет начавшейся в том же 1211 г. войной между Чингиз-ханом и владевшей северным Китаем династией Цзинь. Благодаря этому могло просуществовать несколько лет государство, образованное в средней Азии Кучлуком.

По некоторым известиям, Кучлук сначала сблизился с гурханом, которым был принят, как сын; есть также известия, что он находился в союзе с султаном Мухаммедом и другими представителями мусульманского движения. Его дальнейшие действия, во всяком случае, свидетельствуют о разрыве как с гурханом, так и с мусульманами. Гурхан был им взят в плен и фактически низложен, хотя продолжал до своей смерти пользоваться внешними почестями государя, а Кучлук действовал от его имени.

Столкновение с Мухаммедом произошло, повидимому, на почве раздела империи кара-китаев; враждебные действия происходили на Сыр-Дарье и в Кашгарии. Снова до крестоносцев дошли вести о нападении на мусульман с востока; на этот раз враг мусульман действительно был христианин: Кучлук и по мусульманским источникам, вместе с большинством найманов, исповедывал христианство, хотя в империи кара-китаев сокрутился в идолопоклонство, вероятно, в буддизм или китайский государственный культ.

При таких условиях вполне естественно, что на Кучлука была распространена легенда о царе-священнике Иоанне. Тем же рассказам крестоносцев мы обязаны вполне правдоподобным известием, что с Кучлуком, через посредство несторианского патриарха, искал сближения сам глава ислама, багдадский халиф Насир, на почве общей вражды к султану ислама, который, подобно своим предшественникам, требовал от халифа, чтобы он в самом Багдаде отказался в пользу султана от светской власти.

Кучлук вел борьбу с мусульманами и внутри своей державы. В то время, когда он еще считал мусульман своими союзниками, он освободил из заключения кашгарского хана, которого называл своим другом и который был посажен в тюрьму гурханом, очевидно, во время мусульманского восстания; по прибытии в Кашгар, хан был убит местной аристократией; мстя за своего друга, Кучлук четыре года сряду опустошал Кашгарскую область и, наконец, заставил жителей покориться.

После этого он уже выступил врагом мусульман; в первый и последний раз со времени распространения в Средней Азии мусульманства, ислам подвергся гонению. Публичное мусульманское богослу-

жение было запрещено; от мусульман требовали, чтобы они приняли или христианство, или идолопоклонничество, или, по крайней мере, переменили мусульманскую одежду на китайскую. Некоторые наказывались военным постоем, т.е. применялась та же мера, как при Людовике XIV против гугенотов; приводится один из случаев казни мусульманского духовного лица, шейха Ала-ад-дина Мухаммеда хотанского, который был пригвожден к дверям построенной им медресе

На крайнем северо-востоке тогдашнего мусульманского мира, в Кульджинском крае, где тогда главным городом был Алмалык, к северо-западу от современной Кульджи, во время смут царствования последнего гурхана образовалось новое мусульманское владение, под властью Бузара, бывшего атамана шайки разбойников. Он также враждовал с Кучлуком; подобно Кашгарскому хану, он из'явил покорность Чингиз-хану. Кучлуку удалось захватить и убить Бузара во время охоты, но Алмалык, где приняла начальство вдова Бузара, успешно продержался до прибытия помощи, посланной Чингиз-ханом.

При таких обстоятельствах становится понятным, что ни султан Мухаммед не мог предпринимать шагов для осуществления своих честолюбивых планов, ни Кучлук не мог думать о наступательной войне против султана. Из бывших владений караханидов Мухаммед был вынужден отказаться в пользу Кучлука от Ферганы и областей к северу и к востоку от нее, в том числе от культурной полосы Чирчика и Арыси. Мусульманские историки говорят, что султан сам опустошил эти области, чтобы они не достались Кучлуку; проехавший там в 1221 г. китаец Чан-чунь упоминает, однако, о лежащих на его пути городах и не говорит ни о каких следах опустошения. Границей Мухаммеда сделались берега Сыр-Дарьи от Ходжента до устья; в состав его государства входило и течение реки ниже Саурана, не принадлежавшее ни саманидам, ни караханидам, в том числе и область с городом Сыгнаком (ныне развалины Сунак-Курган), находившаяся еще во второй половине XII века во власти немусульманских кипчаков, тогда как не только выше, но и ниже по течению реки, ислам уже в начале XI века приобрел полное господство. Мухаммед несколько раз посещал низовья Сыр-Дарьи и предпринимал отсюда походы на север; во время одного из этих походов, летом 1216 г., в Тургайской области произошло столкновение между его войском и войском старшего сына Чингиз-хана, Джучи, преследовавшего мергитов; после битвы с султаном монголы ночью отступили.

Обе стороны, повидимому, смотрели на эту битву, как на случайное недоразумение; ею не была уничтожена возможность мирных сношений между обоими государствами, начавшихся еще раньше, причем инициатива принадлежала султану; его посол был принят Чингиз-ханом еще в Пекине, т.е. в 1215 г. (год взятия Пекина монголами) или в начале 1216 г. (год возвращения Чингиз хана в Мон-

голию). Источники говорят обо одной только причине этого посольства: до султана, мечтавшего о завоевании Китая, дошло известие, что его предупредили; это известие должен был проверить посол. Можно предполагать и другие причины, политические и экономические; султан мог надеяться найти в Чингиз-хане союзника против Кучлука; кроме того, вследствие разрыва с Кучлуком, был закрыт обычный торговый путь в Китай через Восточный Туркестан; завоевания Чингиз-хана, доходившие в то время до северной части Семиречья, давали возможность установить новый путь. К Чингиз-хану, действительно, одновременно с посольством, или вскоре после него, прибыл караван; к сожалению, ни маршрут посольства, ни маршрут каравана не приводятся; о караване мы даже не знаем, где он был принят Чингиз-ханом. Маршрут Чингиз-хана во время похода 1219 г. заставляет предполагать направление в северную часть Семиречья и оттуда на Иртыш; таков же был, по всей вероятности, маршрут посольства и каравана, прибывших из Монголии во владение султана весной 1218 г., что, конечно, было ответным шагом Чингиз хана на действия султана.

Во главе посольства стояли трое находившихся на службе у Чингиз-хана мусульман; насколько известно, послы предлагали султану только установление мира и безопасных торговых сношений; султан дал им благоприятный ответ, хотя и был оскорблен тем, что Чингиз-хан обращался к нему, как к „сыну“, т.е. как бы называл его своим вассалом. Вскоре после отъезда послов в пограничный город владений Мухаммеда к востоку от Сыр Дарьи, Отрар, прибыл караван из 450 купцов, которые все были мусульманами; с купцами было 500 верблюдов, нагруженных товарами. В Отраре купцы были задержаны в качестве шпионов и перебиты, товары их были разграблены; спасся бегством и вернулся в Монголию только один погонщик верблюдов. Источники дают несколько противоречивые сведения о том, как произошла эта катастрофа, какая доля ответственности падает на Отрарского наместника и какая на самого султана. Во всяком случае, султан принял на себя ответственность за своего наместника, когда велел убить одного или (по другому известию) всех трех послов Чингиз-хана (на этот раз послы были не из мусульман), прибывших к нему с требованием удовлетворения и выдачи виновного. Сопоставление этих фактов показывает, что поход монголов на Туркестан был прямым последствием действий султана; ничем не подтверждается известие, принятое с доверием многими учеными, будто монголов призвал против султана халиф; гораздо более правдоподобно приведенное выше известие о сношении халифа с непосредственным соседом султана, врагом Чингиз-хана, Кучлуком.

В 1218 г., повидимому, уже после Отрарской катастрофы, Чингиз-хан послал против Кучлука полководца Джэбэ-нойона; не смотря на вражду Кучлука к исламу, в походе против него принимал участие с небольшим отрядом (300 человек) другой враг ислама, уйгурский идикут. Монгольский полководец выступил защитником религи-

озной свободы и об'явил, что каждому будет дана возможность исповедывать веру отцов; оттого занятие южной части Семиречья, Ферганы и Кашгарии произошло почти без пролития крови. Мусульманские подданные и вассалы Кучлука (среди последних был правитель Ферганы, уроженец Баласагуна) перешли на сторону монголов; население перебило размещенных по его домам воинов Кучлука; кашгарцы впоследствии говорили историку Джувейни, что для них приход монголов был милостью Божьей. Кучлук бежал из Кашгара в Сарыкол, где был настигнут и убит. В противоположность мерам Кучлука, остатки кара-китаев (вероятно также найманов) слились с мусульманами и приняли мусульманскую одежду. Дело освобождения мусульман от притеснения кафиров, оказавшееся не по силам султану ислама, было успешно выполнено языческим полководцем.

Вследствие этих событий Мухаммеду было трудно сплотить вокруг себя народ и войско во имя защиты мусульманского мира от нашествия кафиров. Еще прежде султан раздражал представителей религии враждебными действиями против хадифа; гибель в горах Курдистана, от снегов и партизанских действий курдов, посланного им в 1217 г. на Багдад отряда была истолкована, как Божия кара за нечестивый поход. Кроме того, султан находился во вражде с турецкой военной аристократией, сплотившейся вокруг его матери Туркан-хатун, управлявшей Хорезмом; султан еще в 1216 г. велел убить, как сторонника Туркан-хатун, популярного шейха Меджд-ад-дина Багдади; ученика шейха Неджм ад-дина Кубра, основателя существующего и теперь дервишского ордена „кубравиев“. Наконец, избивение в Отраре мусульманских купцов, за которых мстил Чингиз-хан, должно было устранить всякую возможность солидарности между султаном ислама и представителями мировой мусульманской торговли. Сопоставление событий XIII века с китайскими событиями начала XX века наглядно показывает, как мало общего было в средневековой мусульманской истории, в противоположность новейшей европейской, между успехами торговли и политическим могуществом тех народов, к которым по своему происхождению принадлежали торговцы.

Мусульманские купцы сопровождали Чингиз-хана во время похода на государство султана и были для него надежными советниками; им он, конечно, был обязан тем подробным знакомством с географическими условиями, о котором свидетельствует выполнявшийся им план кампании. Осенью 1219 г. к нему присоединились в северной части Семиречья со своими отрядами два мусульманских правителя, Арслан-хан карлукский и Сукнак-тегин алмалыкский; туда же прибыл со своим отрядом уйгурский идикут Баурчик. Перед этим Чингиз-хан провел лето на берегах Иртыша. Чингиз-хан некогда велел передать султану, что считает его государем запада, как себя государем востока; это высокое мнение о военных силах противника проявилось и в характере его приготовлений к войне: при войске, как и в 1211 г., во время похода на Китай, находился сам Чин-

гиз-хан со всеми своими сыновьями. Султан, конечно, знал о приближении врага, но не мог принять никаких действительных мер для его встречи. Государство султана, вследствие вражды между ним и его матерью, не представляло стройного целого; была уничтожена даже бюрократическая централизация, и должность везира, как главы бюрократии, была заменена коллегией из шести сановников; народ не выиграл от этой перемены и находил, что удовлетворить одного все-таки было легче, чем удовлетворить шестерых. Для войны были собраны некоторые средства; в течении одного года были взысканы подати за три года вперед, но деньги не могли быть истрачены по назначению. Султан решил было построить длинные стены вокруг Самарканда и его пригородов, но эту работу не удалось даже начать. Целесообразной организации сопротивления препятствовали крайняя непопулярность самого государя и его династии среди войска и населения. Султан знал, что в случае сосредоточения в одной местности, например, на линии Сыр-Дарьи, его многочисленных военных сил, эта сила после победы над внешним врагом направилась бы на своего государя; оттого войска были размещены по разным местностям и городам. Этим объясняется, что монголам, в противоположность прежним нашествиям кочевников, удалось завоевать Туркестан без всякой битвы с врагами в открытом поле. Приходилось только осаждать города, причем эту задачу успешно выполняли даже незначительные отряды; отряд, посланный из Отрара вверх по Сыр-Дарье, состоял всего из 5000 человек.

Кроме этого отряда, Чингиз-хан, когда в конце 1219 г. он подошел к Отрару, отделил от своего войска еще два других: один, под начальством сыновей Чингиз-хана, Джагатая и Угэдэя, был оставлен для осады Отрара; другой, под начальством старшего сына, Джучи, был послан вниз по Сыр-Дарье. Оба отряда выполнили свою задачу к апрелю 1220 г. Чингиз-хан с главными силами прошел из Отрара через пустыню Кызыл-кум к Нур-ата и оттуда к Бухаре и Самарканду. Бухара была взята в феврале 1220 г.; из этого видно, что возможность перехода через пустыню объясняется временем года; высказывавшееся мнение, что этот переход свидетельствует об изменении с тех пор физико-географических условий, лишено основания. К Самарканду Чингиз-хан подошел в марте 1220 г.; здесь к нему присоединились его два сына, взявшие Отрар; часть их отряда после падения Самарканда была послана на Ходжент, где монголы со стороны наместника Тимур-мелика встретили самое упорное сопротивление. В осаде принимали участие 20500 монголов и 50000 пленных. Эти цифры характерны для излюбленного монголами способа ведения войны: при осаде городов они гнали перед собой пленных захваченных ими окрестных сельских жителей, употребляя их в качестве щита против стрел осажденных и заставляя их пролагать путь монгольскому войску; иногда пленных выстраивали военными отрядами и раздавали им знамена, чтобы осажденным монгольское войско казалось

многочисленнее, чем оно было на самом деле. Когда Тимур-Мелик был вынужден покинуть город, он поплыл на судах вниз по Сыр-Дарье, прорвался через монгольские отряды, занимавшие берега реки, и, покинув суда, верхом прибыл в Хорезм.

Лето Чингиз-хан провел в Карши, осенью взял Термез, весной 1221 года переправился через Аму-Дарью и занял Балх; обратная переправа произошла только в октябре 1222 г. В 1221 г. корпуса Джучи, Джагатая и Угэдэя завоевали Хорезм; младший сын Чингиз-хана, Тули, в том же году взял и разрушил города Хорасана, в том числе Мерв. Отряды, посланные еще в 1220 г. через Аму-Дарью для преследования султана Мухаммеда, проникли еще дальше на запад, в 1223 г. разбили русских при Калке и вернулись к Чингиз-хану через степи к северу от Каспийского моря, причем значительная часть этих отрядов погибла в засаде, устроенной волжскими болгарами.

Мусульмане не только оказали в многих местах энергичное сопротивление монголам, но иногда им удавалось на короткое время изгонять монгольские отряды из занятых ими местностей. Тимур-мелик еще в 1220 г. совершил из Хорезма поход через степи, прилегающие к восточному побережью Арала, и вытеснил отряд корпуса Джучи из города Шехркента (ныне развалины Джанкент), недалеко от устья Сыр-Дарьи; в 1222 г. из освободившегося на короткое время от монгольского владычества Мерва был совершен удачный поход на Бухару. К 1223 г. это сопротивление было окончательно подавлено; Чингиз-хан со своими сыновьями находился в то время в степи Кулан-баши, в восточной части Сыр-Дарьинской области, медленно направляясь на родину.

Султан Мухаммед и представители его династии принимали во всех этих событиях только слабое участие. Султан в начале 1220 г. занимал своим отрядом Келиф (до XVIII века находившийся не на правом берегу реки, как теперь, а на левом), повидимому, надеясь защитить линию Аму-Дарьи, но после падения Самарканда, еще до прибытия монгольских отрядов, покинул берег реки; после безцельного блуждания по Персии, он нашел убежище на острове у юго-восточного берега Каспия, где умер еще в том же 1220 г. Известие о бегстве султана заставило и его мать Туркан-хатун покинуть Хорезм, хотя Чингиз-хан, знавший о вражде между матерью и сыном, старался привлечь ее на свою сторону и убедить ее, что он только мстит султану за убийство купцов в Отраре и не тронет области, находившейся под управлением царицы. Покинув Хорезм, Туркан-хатун со своими приверженцами заняла две крепости в Мазандеране; обе крепости еще летом 1220 г. были взяты; из членов династии царевичи были перебиты, царица и царевны взяты в плен и, после окончания похода, уведены в Монголию. С султаном на острове были трое его взрослых сыновей; после смерти отца они прибыли в Хорезм; старший, Джелаль-ад-дин, был провозглашен султаном, но мятежное настроение войска заставило сначала Джелаль-ад-дина, а потом и его

братьев, покинуть область. Достаточно было от'езда представителей династии, чтобы всякие междоусобия прекратились; один из родственников Туркан-хатун был провозглашен султаном; столица Гурганч была взята монголами только после упорного сопротивления, за что гарнизон и жители, кроме уведенных в плен ремесленников, молодых женщин и детей, были подвергнуты поголовному избиению. Султан Джелаль-ад-дин в 1221 г. сражался с монголами в Авганистане, но только на берегу Инда решился вступить в бой с главными силами Чингиз-хана (24 ноября); с остатками разбитого войска ему удалось бежать в Индию, впоследствии вернуться и еще играть некоторую политическую роль (до 1231 г.) в Персии и Закавказье, но ни в Туркестане, ни в Хорезме он уже не появлялся. Память о Джелаль-ад-дине совершенно вытеснила среди монголов память о его отце; все, что знали о султанах, было отнесено к Джелаль-ад-дину, в том числе и избиение каравана в Оtrarе.

Благодаря путешествию китайского отшельника Чан-чуня, вызванного Чингиз-ханом на запад, мы имеем рассказ очевидца о состоянии Туркестана тотчас после монгольского погрома. Чан-Чунь провёл зиму 1221-2 г. г. в Самарканде, весной 1222 г. отправился к Чингиз-хану в Авганистан, летом снова жил некоторое время в Самарканде, осенью опять был в Авганистане и в октябре того же года вместе с Чингиз-ханом совершил обратную переправу через Амударью. Монголы, при помощи находившихся на их службе мастеров, привели в исправность дороги, находившиеся тогда в лучшем состоянии, чем теперь. В проходе Талки, около озера Сайрам-нор, где дорога несколько раз переходит с одного берега речки на другой, было построено 48 деревянных мостов; Чан-Чунь переправлялся через Чу по деревянному мосту, через Талас по каменному; на Амударье был плывучий мост. Постройка и исправление мостов были делом второго сына Чингиз-хана, Джагатая; большая часть областей Средней Азии должна была войти в его удел, и он уже при жизни отца до некоторой степени осуществлял здесь государственную власть. Орда Джагатая находилась в Кульджинском крае, на южной стороне Или; таким значением Кульджинского края объясняется, что именно в Алмалыке, рядом с местным князем, был представитель монгольской власти. Из мусульманских городов только Самарканд находился под управлением не мусульманина, а наместника из кара-китаев. Против местного мусульманского населения в Самарканде, хотя и не на почве религиозного гонения, были приняты меры, отчасти напоминающие меры Кучлука; мусульмане могли владеть недвижимой собственностью только сообща с кара-китаями, китайцами и тангутами. Было много китайских ремесленников, очевидно, пришедших с монголами. Город, однако, по обстановке жизни оставался чисто мусульманским; по пятницам мужчины и женщины, в то время еще имевшие доступ к общественному богослужению, спешили в мечеть; неисполнявшие этой обязанности даже подвергались наказанию, из чего видно,

что ни
Чуню
ста ты
Продол
ров; са
много
роздал
разбойн
города

К
окончан
благосо
нимали
бище, с
ли не м
лучат
без ущ
ными з
ходы к
Поняти
го прав
всему
участие
делом,
мости
Чингиз
вопрос
на, Уг
 совеща
наследо
по свои
няющий

Н
хана о
что Чи
своих
области
при ж
имуще
ство М
Степен
вей; от
делов
гиз-хан
отца) о
ходили

что низшая полицейская власть оставалась в руках мусульман. Чан-Чуню говорили, что в городе до монгольского погрома было более ста тысяч семейств, а после погрома осталась только четвертая часть. Продолжалась, однако, прежняя жизнь, на базарах много было товаров; сады показались Чан-Чуню даже лучше китайских, но было много голодных, которым Чан-Чунь после возвращения в Самарканд роздал остатки данных ему припасов; в окрестностях действовали разбойничьи шайки, образовавшиеся из разоренных крестьян, и из города часто видно было зарево пожаров.

Как видно и из рассказа Чан-Чуня, монголами тотчас после окончания военных действий принимались меры для восстановления благосостояния завоеванных областей. Мнение, будто монголы не понимали культуры и, если бы могли, обратили бы всю землю в пастбище, опровергается фактами; по крайней мере, монгольские правители не могли не понимать, что с горожан и землевладельцев они получают больше дохода, чем с кочевников. Столь же ясно было, что без ущерба для доходов казны нельзя поручить управление культурными землями монголам или, вообще, кочевникам, тем более, что доходы казны рассматривались, как общая собственность ханского рода. Понятие о родовой собственности было перенесено из области частного права в область права государственного; империя принадлежала всему роду: за каждым царевичем и царевной признавалось право на участие в пользовании доходами, но управление империей было общим делом, причем способы организации управления изменялись в зависимости от обстоятельств. Когда во главе рода, как было при жизни Чингиз-хана, стояло лицо, авторитет которого признавался всеми, все вопросы решались его единоличной волей; при преемнике Чингиз-хана, Угэдэе (1229—1241 г.г.), единоличное управление было заменено совещанием представителей всех ветвей ханского рода; Угэдэй не наследовал ни гениальных способностей, ни могучей воли отца, но по своим душевным качествам более других мог служить тем объединяющим центром, в котором нуждались династия и империя.

На всем пространстве империи действовала от имени великого хана одна и та же обще-государственная власть, не смотря на то, что Чингиз-хан еще при жизни назначил особый удел каждому из своих сыновей. И в этом отношении принцип был заимствован из области частноправовых отношений; старших сыновей отец выделял при жизни, младшему оставлял свое собственное, первоначальное имущество; так, младший сын Чингиз-хана, Тули, получил в наследство Монголию и главную массу монгольского регулярного войска. Степень отдаленности других уделов соответствовала возрасту сыновей; оттого удел старшего сына, Джучи, по мере расширения пределов империи, передвигался все дальше на запад; в год смерти Чингиз-хана и Джучи (оба умерли в 1227 г., сын несколько раньше отца) он заключал в себе земли от Иртыша до тех пределов, „куда доходили копыта монгольских коней“; из культурных земель Средней

Азии в состав удела Джучи входили низовья Сыр-Дарьи и северная часть Хорезма со столицей этой области; Гурганч или, как его называли монголы, Ургенч вскоре после монгольского погрома был восстановлен на новом месте, близ старого, и снова сделался крупным торговым центром. С уделом Джучи на Аму-Дарье, на Сыр-Дарье и в Семиречье граничил удел Джагатая; Угэдэю были назначены западная Монголия с Тарбагатаем. Не смотря на огромное пространство империи, орды трех выделенных сыновей находились в сравнительно близком расстоянии одна от другой: орда Джучи на Иртыше, орда Угэдэя — у Чугучака, орда Джагатая — на Или. Угэдэй, после своего провозглашения великим ханом жил не в своем уделе (куда, однако, после его смерти было отвезено его тело), но в коренных владениях отца, на Орхоне, где в городе Каракоруме, развалины которого находятся близ современного монастыря Эрдени-цзу, при нем и его преемниках строились дворцы мусульманскими и китайскими архитекторами, с участием мастеров западно-европейских и русских. Казалось бы, что раскопки в местности, где на небольшом пространстве (путешественник Рубрук сравнивает Каракорум с парижским предместьем С. Дени) и в течение короткого времени (Каракорум утратил значение столицы империи с 1260-х годов) воздвигались постройки представляли бы самые разнообразных культур, дадут драгоценный материал для изучения культурной истории не одной только Средней Азии; но первые попытки раскопок (в 1912 г.) не оправдали этих надежд; других попыток пока не было.

Представители мусульманской культуры при монгольском дворе большею частью, конечно, происходили из городов Мавераннахра; этой областью в царствование Угэдэя управляли назначенный самим великим ханом Махмуд Ялавач, выходец из Хорезма, живший в Ходженте. При нем в 1238 г. в оправившейся от погрома 1220 г. Бухаре произошло крестьянское восстание, направленное как против монголов, так и против местной аристократии; после усмирения восстания заступничество Махмуда спасло город от угрожавшей ему расправы. Не вполне ясны отношения между Махмудом и мусульманским министром Джагатая, Хабаши Амидом, происходившим по одним известиям из Отрара, по другим — из Кермине; подобно Махмуду, он принадлежал к числу богатых торговцев. Джагатай считался ревнителем монгольского обычного права и врагом ислама; тем не менее и при нем был культурный советник из мусульман. Конечно, советник был выбран им не из ревнителей мусульманского благочестия; обращенное к Хабаши-Амиду послание влиятельного бухарского шейха Сейф-ад-дина Бахарзи полно упреков за недостаточное покровительство исламу; Хабаши-Амида считали даже виновником казни некоторых представителей духовенства — Юсуфа Секкаки и Беха ад-дина маргинанского; все таки в нем говорится, что он был похоронен (в 1260 г.) в построенной им ханаке, из чего видно, что им воздвигались благочестивые постройки.

Ма
губ
ки
Уг
лем
Хо
не
дил
сул
хов
ству
Дж
пре
ли.
вну
пото
тыя
неск
осу
нявн
духо
иног
куль
125
шал
для
болы
назва
постр
средс
ние
кажд
повид
перид
при в
восста
строи
I
вавши
чтобы
мусул
гнаны
был у
городе
к этом

Махмуд Ялавач вскоре после 1238 г. был вынужден покинуть Мавераннахр вследствие столкновения с Джагатаем и был назначен губернатором Пекина, где умер в 1254 г. Угэдэй примирился с таким нарушением прав своих и принял извинение брата; но еще при Угэдэе сын Махмуда, Мас'уд-бек, был назначен верховным правителем всех культурных областей Средней Азии, от области уйгуров до Хорезма, и сохранил за собой эту должность до своей смерти (1289 г.), не смотря на все перевороты, происшедшие за эти полвека. Его утвердил сын Угэдэя Гуюк (1246—48 г. г.), считавшийся врагом мусульман; он удержал власть и после переворота 1251 г., когда верховная власть над империей перешла от потомства Угэдэя к потомству Тули и, вместе с родом Угэдэя, подвергся разгрому также род Джагатая, по обвинению в заговоре против вновь возведенного на престол великого хана Мункэ (1251—1259 г. г.), старшего сына Тули. Уделом Джагатая в это время номинально управляла вдова его внука, Эргэнэ; фактически власть над империей делили между собой потомки Джучи и Тули; местность, где кончалась сфера влияния Батыея, сына Джучи, и начиналась сфера влияния Мункэ, находилась несколько восточнее Таласа; правительственная власть в Мавераннахре осуществлялась Батыеем, а после его смерти—его братом Беркаем, принявшим ислам, вследствие чего на его стороне было мусульманское духовенство; Эргэнэ также называли покровительницей мусульман, иногда даже мусульманкой. Полномочия Мас'уд бека, как правителя культурных областей, признавались в обеих половинах империи; в 1251 г. он был в области уйгуров, 1255 г. в Самарканде, где угощал брата Мункэ, Хулагу, отправлявшегося тогда во главе войска для завоевания Передней Азии. Также в 1250-х годах им было построено большое медресе в Бухаре, повидимому, на Ригистане, получившее название по его имени „Мас'удийя“; такая же „Мас'удийя“ была построена им в Кашгаре. Еще более замечательно пожертвование средств на постройку другого медресе в Бухаре (получившего название „Ханийя“) ханшей-христианкой, матерью Мункэ и Хулагу; в каждом из этих двух учебных заведений было до 1000 студентов; повидимому, таких больших медресе в Туркестане до монгольского периода не было. Бухарская „Мас'удийя“ была разрушена в 1273 г. при взятии города персидскими монголами, но потом, повидимому, восстановлена, так как в 1289 г. в ней мог быть похоронен сам строитель.

На Мас'уд-бека опирался и внук Джагатая, Алгуй, воспользовавшийся в начале 1260-х годов междоусобиями среди сыновей Тули, чтобы восстановить в Средней Азии власть своего дома. К огорчению мусульман и, в особенности, шейхов, наместники Беркая были изгнаны из городов Мавераннахра; сын шейха Сейф-ад-дина Бахарзи был убит, тогда как сын Хабаш-Амида примкнул к Алгую; последним городом, отвоеванным при Алгую у Беркая, был Отрар, сделавшийся к этому времени снова большим торговым городом; завоевание От-

рара было совершено на средства, собранные Мас'уд-беком. После Алгуя, в 1266 г., ханом сделался сын Эргэнэ Мубарекшах, мусульманин; возведение его на престол состоялось не в обычной орде, на Или, но ближе к мусульманским культурным центрам, на Ангрене—факт, показывающий, что и средне-азиатские монголы к этому времени начали подчиняться влиянию мусульманской культуры. Мусульманином был и следующий хан, Борак, умерший в 1271 г., хотя и погребенный по языческому обряду. Борак, также привлечший к себе на службу Мас'уд-бека, был вынужден признать над собой верховную власть внука Угэдэя, Хайду, которым было прочно установлена самостоятельность монгольского государства в Средней Азии. Для решения вопросов, связанных с его устройством, в 1269 г. был созван сейм на Таласе; было постановлено, чтобы царевичи жили в горах и степях и не подходили к культурным землям; управление культурными областями и собирание доходов в пользу царевичей было возложено на особое лицо, по назначению главы государства, Хайду, выбор которого также пал на Мас'уд-бека. После смерти Мас'уд-бека ему наследовали, один за другим, его три сына, первые два еще при Хайду (умершем в 1301 г.), третий, имевший местопребывание в Кашгаре,—при сыне и преемнике Хайду, Чапаре.

Из всего этого видно, что в Средней Азии дольше, чем в других завоеванных монголами странах, сохранили силу основные черты государственного устройства империи Чингиз-хана. В 1250-х годах империя еще считалась одним целым; не смотря на фактический дуализм, монеты на всем пространстве империи, даже в государстве Батыя и Беркая, чеканились от имени Мункэ-хана. До Мункэ имя монгольского хана чеканилось на монетах только в редких случаях; появление такой монеты в большом количестве, вероятно, находится в связи с переходом монголов именно в это время от системы сбора податей натурой, преобладавшей при Угэдэе, к денежной подати. Последствием событий 1260-х годов было превращение монгольского великого хана в китайского императора (с перенесением столицы из Каракорума в Пекина) и образование самостоятельных монгольских государств в России (Золотая Орда), Персии и Средней Азии. В Золотой Орде и Персии быстро установилось некоторое единство государственного управления и, как символ его, государственная монета, с именами местных ханов. В Средней Азии монгольский хан долгое время оставался главой кочевников, не вмешивался непосредственно в управление культурными землями и не создавал для этого государственного аппарата, не исключая и монеты. Кроме верховного правителя всех культурных областей, назначавшегося ханом, были наследственные правители (мелики) в отдельных городах, чеканившие свою монету; исторические тексты, надписи и монеты говорят о меликах в Бухаре, Отраре, Шаше (Ташкенте), Ходженте, Фергане (с главным городом Узгентом), Таласе и даже в Алмалыке, не смотря на близость этого города к ханской орде на Или. В Кашгаре мелика, повидимому, не было, но был садр, стоявший во

главе гражданского управления; в Кашгар удалился и садр из Алмалыка, изгнанный меликом; вообще, борьба между аристократией и демократией, представителями которых были садр и мелик, продолжалась и при монголах. Бухарой некоторое время управлял китаец Чожан-Тайфу; этим объясняется такой исключительный в истории Средней Азии факт, как чеканка в Бухаре медной монеты с двуязычными надписями—арабской и китайской.

В Средней Азии было труднее, чем в других монгольских государствах, примирить интересы кочевников с интересами оседлого населения. Монгольское завоевание не было переселением народов и не было связано с исканием новых земель; завоевания Чингиз-хана не имели почти никакого влияния на границу этнографического распространения монгольского племени; подавляющее большинство монголов осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингиз-хан и где жили его преемники. Из общего числа монгольского регулярного войска—129.000—младший сын, Тули, вместе с Монголией получил 104.000; три других сына Чингиз-хана получили каждый по 4.000 (остальные 13.000 были розданы другим членам династии). Но последствием монгольских походов не могло не быть некоторое передвижение кочевых народов с востока на запад, вообще, усиление в Средней Азии кочевого элемента. При отсутствии в Средней Азии, от смерти Джагатая (1242 г.) до воцарения Хайду (1269 г.), сильной ханской власти, соседство кочевников, в руках которых была вся военная сила, отразилось на благосостоянии культурных земель, особенно на городской жизни, гораздо сильнее, чем опустошения, произведенные во время монгольского нашествия. В части Семиречья, к северу от Или, почти не пострадавшей от военных действий, уже к 1253 г., как видно из рассказа миссионера Рубрука, много городов исчезло и уступило место пастбищам; большое число развалин видел также китайский путешественник Чандэ в 1259 г. в Чуйской долине.

Эти сведения относятся, повидимому, к городам меньшей величины; более значительные города еще долго успешно сопротивлялись напору степняков. Рубрук проехал через „саррацинский“, т. е. через мусульманский город Кинчат (Кенджек) на большой реке Таласе, севернее города того же имени; к северу от Или был „хороший город“, где жили „саррацины, говорящие по персидски“, еще несколько севернее был „большой город“ Кайлак (Каялык), в котором Рубрук впервые встретил буддистов, имевших в этом мусульманском городе (он некогда был столицей Арслан-хана карлукского) три кумирни; в небольшом расстоянии за Каялыком был поселок с исключительно христианским населением и христианской церковью; перед этим путешественники „давно не видали церкви“. Из этого видно, что Рубрук при проезде через Чуйскую долину миновал поселок тех христиан, которым принадлежит кладбище с надгробными надписями близ Пишпека и Токмака; в местности, где находилось упомянутое им селение, таких памятников христианства до сих пор найдено не было. Евро-

пейцы в то время еще не пользовались торговыми путями через Среднюю Азию; пионерами европейской торговли в этих странах были, по видимому, венецианцы, братья Николо и Матео Поло, прибывшие в 1262 г. из золотоордынского ханства в Бухару и в 1265 г. отправившиеся оттуда в Китай.

Для Бухары 1270-ые годы были самым бедственным временем за свою многовековую историю этого города; в 1273 г. Бухара подверглась опустошительному погрому при вторжении персидских монголов; три года спустя, город снова пострадал от местных смут и, после этого, семь лет оставался в запустении; о его восстановлении позаботился Мас'уд-бек, по поручению Хайду. При Хайду был построен также новый город—Андижан, оставшийся потом, до начала XVIII века, главным городом Ферганы, из чего видно, что место для постройки города было выбрано удачно. Андижан представляет редкий в Средней Азии пример города, построенного государем не для себя (ни Хайду, ни его преемники в нем не жили), но, по видимому, исключительно для развития торговли.

Монгольская империя соединила на некоторое время в одно государство культурные страны Дальнего Востока и Передней Азии; на западе в состав одного политического целого вошли такие области, как Хорезм и бассейн Волги, между которыми прежде была только культурная и экономическая связь. Все это должно было благоприятно отразиться на международных отношениях; с другой стороны, упрочению торговых связей препятствовали начавшиеся в 1260-х годах междоусобия в ханском роде. Эти междоусобия не отражались, конечно, на морской торговле между Китаем и Персией,—странами, где правили представители одной и той же ветви потомков Чингиз-хана, поддерживавшие между собой тесные союзные отношения; более всего страдало от смут средне-азиатское монгольское государство, благосостояние которого зависело от караванной торговли. Этим объясняется, что из Средней Азии в 1304 г., вскоре после смерти Хайду, всем монгольским государям было сделано предложение восстановить единство империи в единственной форме, в которой оно тогда было возможно—в форме федерации государств, под номинальным главенством китайского императора, с установлением между государствами свободы торговли. Договор был заключен, но не мог быть приведен в действие, так как уже с 1305 г. начались внутренние смуты среди самих средне-азиатских монголов: от потомков Угдэдэя главенство снова перешло к потомкам Джагатая. С тех пор установился термин „джагатайское государство“; „джагатаями“ называли себя кочевники, составлявшие военную силу династии, и это название осталось за ними даже тогда, когда ханов из потомства Джагатая больше не было; „джагатайским“ был назван даже сложившийся в эту эпоху средне-азиатский литературный язык. Ни одному из других имен, связанных с монгольским завоеванием, не была суждена такая громкая слава. В золотоордынском ханстве народным названием сделалось не имя Джучи и не имя Батия, но имя

их
проесл
и п
Ке
Ма
гор
от
наз
мон
XIV
став
дар
как
дина
ребр
1/2
мон
мед
ты
беко
кие
Кашего
вым
(132
что,
с му
монг
зни,
ства
врем
китай
стал
низло
и на
того
ны,
селен
жаеш
верше
заним
ловин
(,нов

их потомка Узбека (1312—1340), при котором в ханстве впервые прочно утвердилось господство ислама и его культуры.

В джагатайском ханстве решительный шаг в сторону подчинения если не исламу, как религии, то традициям мусульманской культуры и государственности, был сделан в царствование Кебека (1318-1326). Кебек первый из ханов после Мубарекшаха и Борака поселился в Мавераннахре. На этот раз выбор хана остановился на местности около города Нахшеба, в долине Кашка-дарьи; в двух фарсах (12-16 верст) от Нахшеба для Кебека был построен дворец, от которого получил название город Карши („карши“ по-монгольски „дворец“); городу до-монгольской эпохи соответствуют развалины Шуллюк-тепе, городу XIV—XV веков — развалины Зохак-и-Морон, около железно-дорожной станции. Кебеку принадлежит введение в джагатайском ханстве обще-государственной монеты, при чем была принята та же монетная система, как в Персии и Золотой Орде. Чеканились динары и дирхемы, причем динарами назывались не золотые монеты, как прежде, а большие серебряные. Дирхемы были мелкими серебряными монетами, весом в $\frac{1}{2}$ золотника; динар равнялся шести дирхемам; в Средней Азии эти монеты потом, по имени Кебека, назывались „кебеки“. Исчезновение медных дирхемов и восстановление в Средней Азии серебряной валюты относится ко второй половине XIII века. Очень вероятно, что Кебеком же было введено деление страны, по образцу Персии, на мелкие административные и податные округа—„тумени“. В Фергане и Кашгарии вместо термина „тумень“ употреблялся термин „орчин“.

Кебек не принял ислама (это не помешало потом построить над его могилой мавзолей мусульманского типа), но считался справедливым государем и покровителем мусульман. Его брат, Тармаширын (1326—1334), также живший около Карши, сделался мусульманином, что, по словам современника, отозвалось благоприятно на торговле с мусульманским миром; за то переход ханов в города и разрыв с монгольским обычным правом, требовавшим сохранения кочевой жизни, имел неблагоприятные последствия для государственного единства. Из китайских известий видно, что в восточных областях одновременно с Тармаширином правил его брат Дурра-Тимур, которого китайцы считали государем всего ханства. Сын Дурра-Тимура, Бузан, стал во главе недовольных действиями Тармаширина, который был низложен и убит: начались смуты, продолжавшиеся более десяти лет и нанесшие последний удар городской жизни в Семиречье. Писатель того времени дает со слов путешественников картинное описание страны, покрытой развалинами: „Издали виднелось хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему, в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием“. В Чуйской долине городов во второй половине XIV века уже не было; на Таласе еще оставался город Яны („новый“), куда Тимур назначал своих заместников; в XV веке и

здесь прекратилась городская жизнь, и уже в XVI веке не могли определить, к каким именно городам относятся отдельные группы развалин на Чу и Таласе.

Во время смут Мавераннахр на некоторое время снова подчинился ханам, жившим на востоке; предпринимались также походы на восток ханами, жившими в Мавераннахре; наконец, в 1340-х годах, при хане Казане, в самом Мавераннахре произошла борьба между ханами и турецкой родовой аристократией. Казан-хан также жил около Карши; его дворец Зенджир-Сарай находился в двух днях пути к западу от этого города. Рядом с ханом, главные кочевые роды также владели определенными территориями в Мавераннахре и соседнем Авганистане; этих родов было четыре, по числу четырех тысяч, данных Джагатаю Чингиз-ханом: джалаиры у Ходжента, барласы на Кашкадарье, каучины в бассейне верховьев Аму-дарьи и орлаты в северном Авганистане. Таким образом, прежняя удельная система, основанная на распределении областей между членами ханского рода, уступила место другой—распределению областей между главарями сильных родов. Попытка Казан-хана восстановить в Мавераннахре сильную ханскую власть, привела к его низложению (1346), после чего вся власть перешла к „эмирам“ главных родов; этим арабско-персидским термином передавалось турецкое „бек“ и монгольское „нойон“; эмир, ставший главой государства, назывался улусным эмиром („улус“—племя, народ, государство); право на ханский титул признавалось только за потомками Чингиз-хана, из которых и возводились на престол подставные лица. Такой же порядок установился в восточной части бывшего джагатайского ханства, где главным родом были дуглаты, владевшие западной частью Кашгарии и южной частью Семиречья до Исык-куля. Судьба эмиров в той и другой части ханства, однако, была различная; в Мавераннахре из среды эмиров выдвинулся такой правитель, как Тимур, оставивший власть своим потомкам, при которых прекратилось возведение на престол даже подставных ханов; в Кашгарии ханы оказались более даровитыми людьми, чем эмиры, и установилась ханская династия, с постепенным устранением власти дуглатских эмиров и с восстановлением прежней удельной системы, при которой во главе уделов стояли члены ханского рода. Традиции монгольской государственности, однако, более хранились на западе, чем на востоке; с другой стороны, кочевники востока больше дорожили традициями монгольской национальности. Кочевники Мавераннахра только себя называли „джагатаями“ и смотрели на своих восточных соседей, как на разбойничью вольницу—„джетэ“; в джагатайском ханстве термины „джагатай“ и „джетэ“ противопоставлялись друг другу в том же смысле, как в золотоордынском ханстве термины „узбеки“ (ханское войско) и „казаки“ (ушедшая из под власти законных ханов вольница). В то же время кочевники Кашгарии и Семиречья называли себя „моголами“ (так произносится народное название монголов и теперь у авганских „моголов“, последних потомков монголь-

ских завоевателей, сохранивших свое имя и язык), а своих западных соседей—караунасами, т.е. метисами, людьми смешанного происхождения.

Монгольским государственным и национальным традициям противопоставлялась идея ислама и мусульманского права—шари'ата. Ее иногда старались использовать в своих интересах даже монгольские государства, принимая ислам; еще чаще ею пользовались, как оружием против монголов. Мусульманами были и джагатаи, и монголы, как и представители монгольской государственности в Персии и Золотой Орде; но в государственной и национальной жизни кочевников религиозным началам принадлежало только второстепенное место; оттого падение монгольского государства могло рассматриваться, как победа религии.

По мере распада монгольской империи, в различных областях стали возникать местные мусульманские династии, причем на их монетах, вместо имен правителей, иногда чеканились только религиозные формулы; среди них встречается надпись „царство принадлежит Богу“, чем подчеркивалась теократическая идея и отрицательное отношение к государственности, не связанной с религией. Монеты с такими надписями чеканились и в Хорезме, который в 1360-х годах, после распада джагатайского государства и начал смут в Золотой Орде, после смерти хана Джанибека (1357), снова объединился в самостоятельное государство, хотя под властью правителей, происходивших из отуреченного монгольского рода кунгратов. Когда окрепшее под властью Тимура джагатайское государство хотело вернуть себе южную часть Хорезма, правитель Хусейн Суфи ответил послу Тимура: „Ваше царство—область войны (т.е. владение неверных), и долг мусульман сражаться с вами“. Джагатаи, таким образом, в глазах хорезмцев не были мусульманами, как и сами джагатаи в свою очередь продавали в рабство пленных монголов, не признавая их мусульманами.

На Хорезме и его столице Ургенче больше всего отразились успехи караванной торговли при монгольском владычестве. Земледельческая культура стояла значительно ниже, чем в до-монгольскую эпоху и в настоящее время; на пути из Ургенча в Бухару арабский путешественник Ибн-Батута в 1333 г. не видел ни одного поселения, кроме Кята (ныне Шейх-Аббас вели); за то Ургенч описывается, как „самый большой, значительный и красивый“ город в турецких странах; на его базарах была такая давка, что трудно было проехать. Европейские путешественники также говорят об Ургенче, как о большом торговом городе, где все товары имели хороший сбыт. После монгольского погрома город был восстановлен так скоро, что даже не были прерваны культурные традиции до-монгольской эпохи; основанная там в начале XII века школа богословов-рационалистов—„мутазилитов“ продолжала существовать до конца XIV века. В Хорезме и по нижнему течению Сыр-дарьи уже в XII веке была литература на турецком языке в духе мусульманского благочестия; такое же зна-

чение имели эти области для турецкой литературы в XIV в., когда они входили в состав золотоордынского ханства. Писатели этих областей по времени предшествовали писателям джагатайского ханства, хотя турецкому литературному языку потом было присвоено название „джагатайский“. Хорезм привлекал к себе также ученых и художников, оказавших потом влияние на развитие наук и искусств в государстве Тимура. Очень вероятно, что сохранившиеся в развалинах старого Ургенча великолепные постройки первой половины XIV в. имели влияние как на постройки Тимура, так и на постройки в городах золотоордынского ханства, например, в Болгаре; установить это влияние в подробностях можно будет только после тщательного изучения этих хорезмийских памятников, в особенности, лучшего из них — мавзолея Тюрябек-ханым. На торговые связи с бассейном Волги и Кавказом мог оказать влияние вполне установленный в настоящее время факт, что Аму-дарья после монгольского нашествия вновь проложила себе путь в Сарыкамышскую котловину и оттуда, по руслу Узбоя, в Каспийское море. Приводится название селения при впадении реки в Каспий, говорится о плавании судов от этого селения вверх по реке, но установлению сплошного судоходного пути от старого Ургенча до Каспия препятствовали водопады на Узбое, достигавшие высоты четырех сажен. Есть известие, что и Сыр-дарья в начале XV века впадала не в Арал, а в Аму-дарью: подтверждением этого можно признать факт опустения существовавших еще в середине XIV века городов на нижнем течении Сыр-дарьи, хотя этой местности, насколько известно, не пришлось пострадать ни при походах Тимура, ни при других военных событиях.

Тимур происходил из рода „барласов“, родился в окрестностях Шахрисябза и впервые выдвинулся в 1360 г., когда он перешел на сторону монгольского хана Туклук-Тимура, на короткое время подчинившего себе Мавераннахр, и благодаря этому сделался князем барласского удела. В следующие годы он сражался то в союзе с монголами, то против них, вместе с другими джагатайскими эмирами. Одинажды, в 1365 г., когда джагатайские эмиры, в том числе и Тимур, покинули страну на произвол моголов, власть в Самарканде перешла в руки предводителей народного движения; им удалось отразить внешних врагов, но в следующем году они пали жертвой вероломства эмиров, сначала об'явивших им благодарность за успешную защиту города и полное доверие и этим усыпивших их бдительность. Такие же способы борьбы применялись эмирами при их столкновениях между собой; такими же действиями было достигнуто и торжество Тимура. Восстания против улусного эмира вызывались той же основной причиной, как прежде восстания против хана, а именно стремлением верховного правителя перенести свое местопребывание и, в особенности, свою казну в укрепленный город, чтобы чувствовать себя независимым от своих соплеменников. Так хотел поступить и предшественник Тимура, эмир Хусейн, избравший для этой цели город

Балх. Тимур отговаривал его, указывая на пример его дяди Абдуллы, против которого восстали джагатаи, когда он захотел сделать своей столицей Самарканд. Хусейн не послушался; предсказание Тимура оправдалось, причем во главе недовольных стал сам Тимур; Хусейн был низложен и убит, и власть в 1370 г. перешла к Тимуру, который тотчас же после достигнутого успеха сделал то же самое, за что он обвинял своего предшественника. Еще прежде им были построены укрепления в Шахрисябзе и Карши; теперь он создал для себя укрепленную столицу в Самарканде и поместил казну в построенной им самаркандской цитадели.

Убиению низложенного Хусейна был придан характер законности; на основании признанного Кораном права кровомщения, убийство совершил эмир Кайхусрау, брат которого десятью годами раньше был убит Хусейном. Два года спустя обстоятельства изменились, и закон кровомщения был обращен против самого Кайхусрау, обвиненного в измене Тимуру: убить его было поручено людям, имевшим право мстить за кровь Хусейна.

Такими же способами Тимур и его сторонники старались придать характер законности своим дальнейшим действиям. Подобно своим предшественникам, Тимур возводил на престол подставных ханов из дома Чингиз-хана и прикрывал свои действия их именем; в действительности эти ханы не пользовались даже внешними почестями, связанными с верховной властью. В пользу Тимура, в действительности не имевшего никаких наследственных прав на власть, была создана легенда, будто его предки, на основании договора, возобновлявшегося несколько раз и забытого в смутный период, были полновластными эмирами при потомках Чингиз-хана. Посредством брака со вдовой эмира Хусейна, дочерью хана Казана, Тимур породнился с ханским домом и получил право на титул „гурган“ (зять), дававший ему преимущество перед другими эмирами. Тимур старался использовать для своих целей идею и традиции монгольской империи, в частности джагатайского ханства. Джагатаи составляли его главную военную силу; по внешнему виду это войско более походило на монголов (воины носили косы), чем на мусульман; отношения между Тимуром и его сподвижниками определялись традициями и обычаями военного быта. В действительности опорой Тимура из джагатаев были преимущественно барласы, самыми упорными врагами Тимура—джакалаиры, в 1376 г. по распоряжению Тимура подвергшиеся участи, соответствующий нашему представлению о расформировании военной части: улус джакалаиров был объявлен уничтоженным, а остатки его были распределены по отрядам различных эмиров.

Сравнительно с монгольскими военными традициями, традиции ислама и мусульманской культуры имели для Тимура только второстепенное значение, но и этими традициями он умел пользоваться для оправдания своих действий и для возвышения блеска своей державы. В Туркестане на стороне Тимура было преимущественно высшее му-

сульманское сословие, во главе которого стояли самаркандские шейх-исламы и термезские сейиды; переход одного из термезских сейидов в 1371 г. на сторону врагов Тимура был случайным недоразумением, не имевшим никаких последствий ни для Тимура, ни для самих сейидов. К этому же классу принадлежал сейид Береке, пришелец из Мекки, получивший от Тимура в удел город Андхой в Афганистане и впоследствии похороненный рядом с Тимуром. По преданию Тимур видел своих духовных покровителей и в некоторых шейхах-подвижниках, более близких народным массам, особенно в Шах-рисябском шейхе Шемс-ад-дине Кулале, своем первом наставнике, и в хорасанском шейхе Зейн-ад-дине Тайабади; но Шемс-ад-дин умер в начале царствования Тимура, а Зейн-ад-дин упоминается в истории Тимура только один раз, в 1381 г., и не оказал никакого влияния на действия Тимура. Характерно полное отсутствие сведений о какой либо близости между Тимуром и бухарскими дервишами, хотя современником Тимура был один из самых влиятельных бухарских шейхов, Беха-ад-дин Накшбенд, основатель широко распространенного и в настоящее время ордена накшбендиев. Особенное значение должны были иметь для Тимура те мусульманские святые, культ которых соединялся с национальными традициями кочевников. Характерно, что единственная выдающаяся постройка Тимура вне его родного Шахрисябза и его столицы Самарканда — мавзолей в городе Туркестане над могилой шейха XII века Ахмеда Йесеви, одного из просветителей турок.

В чужих странах ревность к вере была для Тимура только предлогом для достижения политических целей. В Сирии, где он выступал мстителем за обиды, некогда причиненные дому пророка, его считали ревностным шиитом; но в шиитском Мазандеране он выступал мстителем за оскорбление шиитами памяти спутников пророка. Таким же предлогом было восстановление порядка и спокойствия, нарушенного политическим распадом Персии, главного предмета завоевательных стремлений Тимура. Истинной причиной его походов было честолюбие завоевателя; ему приписываются слова, выражающие, по видимому, его действительную мысль: «Все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». Тем же несколько болезненным честолюбием объясняется стремление поражать мир грандиозностью своих действий, как разрушительных, так и созидательных, причем силе внешнего впечатления придавалось большее значение, чем прочности результатов. Походы Тимура обнимали огромную территорию, от Ельца, в России, до Дели, от Смирны до Большого Йолдуза (к северу от Кучи); но, за исключением Ирана и Месопотамии, где Тимур создал уделы для своих сыновей и внуков, эти походы были только спустошительными набегами. В свою столицу, Самарканд, Тимур отовсюду привозил добычу, в том числе писателей и ученых, которые должны были придать блеск столице мирового завоевателя. Мнение, будто Тимур всюду, кроме Самарканда, выступал

разрушителем, преувеличено; им были произведены грандиозные оросительные работы в таких отдаленных от Самарканда местностях, как долина Кабула и Муганская степь. Но Самарканд, по мысли Тимура, должен был сделаться первым городом в мире; внешним выражением этой мысли была постройка вокруг Самарканда ряда селений получивших названия по главным городам мусульманских стран: Багдада, Дамаска, Мисра (Каира), Ширази и Султании.

Тимур посвятил свою молодость исключительно военным упражнениям и не обладал образованием, не знал даже грамоты, тем не менее он не был чужд культурной жизни своего двора. Посредством бесед с учеными (кроме своего родного турецкого языка он говорил по-персидски) он приобрел некоторые познания в науках и своими познаниями в истории мог удивить историка Ибн-Халдуна; играл в шахматы с лучшими игроками того времени; архитекторы при возведении построек должны были руководиться художественными замыслами самого Тимура. Некоторые постройки были связаны с определенными походами; так, дворец Ак-сарай в Шахрисябзе был выстроен в 1380 г. руками пленных мастеров, увезенных в 1379 г. из Хорезма; Самаркандская соборная мечеть, известная теперь под названием мечети Биби-ханым, была начата постройкой в 1399 г., после возвращения Тимура из Индии. Мечеть Биби-ханым может быть признана характерным примером строительства Тимура; грандиозное, по художественному замыслу, здание в техническом отношении было построено так небрежно, что еще при жизни Тимура с него падали камни, и присутствие на богослужении считалось опасным.

Из культурных областей от походов Тимура больше всего пострадал Хорезм, несколько раз восстававший против завоевателя. Самый город Ургенч в 1388 г. был сравнен с землей (конечно, за исключением мечетей, минаретов и т. п.) и все жители его переселены в Самарканд; в 1391 г. Тимур разрешил восстановить город, но только в размерах одного квартала. Против северных и восточных соседей Мавераннахра Тимур совершил несколько походов, но только для того, чтобы отомстить степнякам за прежние набеги и уменьшить опасность от этих набегов в будущем. Прочное умиротворение степи было возможно только при условии колонизационного движения в сторону степи, которого при Тимуре не было; только в последние годы его царствования, когда им был задуман поход на Китай, им были выдвинуты вперед пограничные посты. Была построена крепость на Ашпаре (ныне пограничная река между Сыр-Дарьинской областью и Семиречьем) и приняты меры для восстановления там земледелия; другая крепость была построена на Иссык-куле. Результаты этих действий Тимура принадлежали к числу самых недолговечных. В 1404 г. для похода на Китай были собраны значительные силы на Сыр-дарье, от Шахрухия (города, получившего это название по имени сына Тимура; ныне развалины Шаракия, недалеко от впадения в Сыр-дарью Ангрона) до Саурана; но в самом начале этого похода, 18-го

февраля 1405 г., в Отраре умер Тимур; еще в том же 1405 году были покинуты как крепость на Иссык-куле так и пост на Ашпаре, и с монголами был заключен договор, по которому им были возвращены все завоевания Тимура. Через несколько лет после окончания вызванных смертью Тимура смут, когда верховная власть над государством Тимура перешла к его сыну Шахруху и представителем Шахруха в Самарканде сделался его сын Улугбек, границей джагатайского государства на северо-востоке снова была признана Ашпара. Впоследствии Улугбек, по примеру деда, совершил поход вглубь Могилистана (1425), посетили и крепость, построенную Тимуром на Иссык-куле, и привез из верхней части долины Или два больших куска нефрита, которые были положены на гробницу Тимура (другим памятником похода Улугбека является надпись в Джиланутинском ущельи, между Самаркандом и Джизаком); но и поход Улугбека не имел никаких прочных результатов, не привел ни к умиротворению степи, ни к восстановлению оседлости и городской жизни.

Самарканд в правление Улугбека (1409—1449, до 1447 г. от имени Шахруха) еще оставался блестящей столицей, хотя глава династии, Шахрух, жил в Герате. Улугбек привлекал к своему двору ученых и художников, воздвигал великолепные постройки, в том числе медресе на Регистане, построил в северных окрестностях города обсерваторию, сам производил астрономические наблюдения и писал астрономические труды; современники сравнивали его, как ученого на престоле, с царственным учеником Аристотеля, Александром Великим. В противоположность Герату, где при Шахрухе получило преобладание мусульманское благочестие (сам Шахрух хотел быть только мусульманским султаном и халифом и совершенно отвергал законы Чингиз-хана), в Самарканде при Улугбеке продолжалась прежняя культурная и веселая жизнь, в которой принимали участие шейхуль-исламы, но не могли принимать участие ни народные массы, ни их духовные вожди—дервиши, еще менее сочувствовавшие Улугбеку, чем Тимуру, и в то же время не испытывавшие перед ним такого страха, как перед его дедом. Из их среды, из ордена накшбендиев, еще при жизни Улугбека выступил политический деятель, ходжа Ахрар, с именем, которого связана победа в Туркестане религиозной реакции над утонченной светской жизнью и городской культурой.

Несчастья, преследовавшие Улугбека во вторую половину его правления, неудачные действия его во время смут после смерти Шахруха и легкомыслие его младшего сына Абд-ал-Азиза лишили его всякой популярности; власть перешла к его другому сыну Абд-ал-Лятифу, не остановившемуся перед убийством отца и брата. Начавшаяся еще при Абд-ал-Лятифе религиозная реакция была прервана на короткое время в 1450 г.; Абд-ал-Лятиф пал жертвой военного заговора, а возведенный на престол заговорщиками племянник Улугбака, Абдулла, был продолжателем традиций своего дяди; но в 1451 г. Абдулла пал в битве с другим потомком Тимура, ставленником ходжи

Ахрара, Абу-Са'идом. Победа Абу-Са'ида была одержана с помощью степняков—узбеков, утвердившихся в то время, под главенством хана Абульхайра, на нижнем течении Сыр-дарьи. И здесь, как было несколько раз в мусульманском мире (например, в Испании), религиозная реакция нашла в варварах союзников против светской культуры.

Во второй половине XV века, в противоположность эпохе Шах-руха и Улугбека, ученые, поэты и художники находили более благоприятные условия для своей деятельности в Герате, чем в Самарканде и Бухаре. Герат при султанах Хусейне (1469—1506), под властью которого находились также Закаспийская область и Хорезм, сделался блестящим центром умственной деятельности; несмотря на отсутствие в Герате турецкого населения, с Гератом связан даже высший расцвет средне-азиатско-турецкой поэзии; главный ее представитель, Мир-Али-Шир, был визиром султана Хусейна. Мир-Али-Шир старался доказать своими произведениями, что на турецком языке может быть создана такая же литература, как на языке сартов. Слово „сарт“, индийского происхождения, первоначально употреблялось турками в смысле „купец“; при монголах оно, сначала в форме „сартактай“ и „сартаул“, стало обозначать вообще представителей мусульманской культуры, преимущественно иранцев, т. е. употреблялось в том же значении, как слово „таджик“. Уже при узбеках, по мере отуречения туркестанских иранцев, сартами стали называть оседлое население Туркестана, говорившее по-турецки, в отличие от таджиков, сохранивших иранский язык. Как таджиками были сперва одни арабы, потом арабы и персы вместе, потом одни персы, так сартами были сперва одни персы, потом персы и турки, вместе, потом одни турки.

Повидимому, султан Хусейн и его сподвижники сумели придать своей деятельности такой характер, что она не вызвала противодействия и со стороны представителей религиозных кругов; но после смерти султана наступили обычные междоусобия, и культурная работа была нарушена внешним завоеванием. В начале XVI века узбекский хан Шейбани, внук Абуль-Хайра, завоевал все владения потомков Тимура в Туркестане и Хорасане, в том числе и бывшее государство султана Хусейна. Шейбани в 1510 г. пал при Мерве в битве с шахом Исмаилом, основателем новоперсидского государства. На короткое время Бухара и Самарканд снова перешли в руки одного из потомков Тимура, султана Бабура, записки которого являются одним из лучших произведений турецкой прозы; но в 1512 г. племянник Шейбани, Убейдулла, своей победой над Бабуром восстановил и упрочил господство узбеков в Туркестане. Из Хорезма персы около того же времени были изгнаны другими узбекскими ханами, основавшими там оссбую династию. Султан Бабур ушел в Индию, где им было основано одно из самых блестящих мусульманских

царств, по традиции также считавшиеся „джигатайским“, хотя никаких потомков Джагатая в нем не было.

Убейдулла-хан (умер в 1539 г.) считался идеальным правителем в духе мусульманского благочестия. При нем и его преемниках политическое первенство постепенно перешло от бывшей столицы Тимура и его потомков, Самарканда, к Бухаре. С Бухарой была тесно связана и деятельность Убейдуллы, и деятельность главного представителя династии шейбанидов, Абдуллы-хана (1559—1598), и деятельность ханов XVII века, происходивших из династии аштарханидов или джанидов. Абдулла завоевал Хорасан и Хорезм, совершил поход вглубь степи и, по примеру Улугбека, оставил об этом походе надпись в Джиланутинском ущелье. С именем Абдуллы, как с именем Тимура, в народной памяти связано представление о строителе по преимуществу; Тимуру и Абдулле, кроме действительно воздвигнутых ими сооружений, приписываются и многие другие, как арки от моста на Зарефшане у Самарканда (мост был построен при Шейбани).

Вообще, узбекское завоевание не привело к полному прекращению культурной работы. Почти совершенно варварской была жизнь узбекского ханства в Хорезме, так высоко стоявшем в культурном отношении в XIV веке; когда хан Абулгази (1643—1663), проживший десять лет в Персии и потому превосходивший своих земляков образованием, задумал составить историю своей династии, он не нашел никого, кому бы он мог поручить эту работу, и был принужден выполнить ее сам. С другой стороны, на Зарефшане именно при узбеках впервые была создана богатая историческая литература (историки Тимура и его потомков почти все, по происхождению или по месту деятельности, принадлежали Персии). Некоторые постройки того же времени, например медресе Ширдар в Самарканде, построенное в 1619 г., мало уступают постройкам Тимура и Улугбека. В состав узбекского ханства входила и северная часть Афганистана с Балхом; вследствие географической близости к начинавшемуся за Гиндукушем блестящему царству индийских «великих моголов» (потомков Бабура), Балх сделался центром светской культурной жизни; в 1640-х годах призванный из Балха в Бухару хан Надир-Мухаммед вызвал среди своих подданных неудовольствие перенесением в суровую и благочестивую Бухару балхских нравов,

XVIII век был для всей мусульманской Азии веком политического, экономического и культурного упадка. Главной причиной этого явления, еще не вполне объясненного, было, вероятно, начавшееся еще в XV веке развитие морских торговых путей, находившихся в руках западных европейцев, и упадок караванной торговли. В Туркестане временем политических смут в узбекских ханствах еще в XVI в. пользовались их степные соседи, на западе—туркмены, на востоке—казаки, часть узбеков, еще в XV веке отделившаяся от главной массы народа и потому не принявшая участия в завоевании государства потомков Тимура; казаков потом по недоразумению называли киргизами.

От смут XVIII в. особенно пострадали Самарканд и Хива, куда еще в XVII веке, после поворота Аму-дарьи к Аральскому морю, была перенесена из Ургенча столица Хорезма, еще до основания, недалеко от Хивы, нового Ургенча, к которому перешло торговое значение старого. Самарканд и Хива на некоторое время совершенно опустели. К концу XVIII века удалось восстановить сколько нибудь прочный порядок, с образованием новых ханских династий, монгольской—в Бухаре и кунгратской—в Хиве. Несколько раньше установилась династия минг в Фергане, где беки в XIX веке приняли ханский титул, вследствие чего к двум прежде существовавшим узбекским ханствам, бухарскому и хивинскому, присоединилось третье, кокандское, по имени нового города Коканда, созданного новой династией.

В XIX веке, после окончательного установления культурного первенства Европы, Туркестан, как самая отдаленная от Европы часть мусульманской Азии, в культурном отношении стоял ниже других мусульманских стран. Туркестан до прибытия русских не знал ни типографий, ни литографий, тогда как в Турции и Персии печатание давно было известно. В государственной и общественной жизни Турции и Персии мы уже в XVIII веке видим признаки европейского влияния; Туркестан оставался в этом отношении совершенно средневековой страной, и только возобновление, впервые после монгольского нашествия, чеканки золотой монеты свидетельствовало о некоторых экономических связях, через посредство Персии, с Западной Европой.

Тем не менее было бы ошибкой полагать, что русские завоеватели застали в Туркестане одно варварство и не нашли там никакой культурной работы, которую они могли бы продолжать. Экономическое благосостояние большей части Туркестана в момент русского завоевания было значительно выше, чем столетием раньше; Хива и Самарканд снова были значительными городами. В противоположность XVI и XVII векам, мы в XIX веке видим в ханствах хивинском и кокандском более оживленную культурную деятельность, литературную (особенно в области историографии) и строительную, чем в бухарском. Фергана в первый раз сделалась ядром обширного государства, в состав которой вошел почти весь бассейн Сыр-дарьи; кокандским ханам удалось подчинить себе и часть степняков в восточной части Сыр-дарьинской области и в западной части Семиречья; впервые после нескольких веков было возобновлено колонизационное движение в степь, и под защитой кокандских укреплений возобновилось земледелие. В самой Фергане города в том виде, как их застали русские,—Коканд, Андижан и новый город Наманган (еще в XVII в. бывший деревней), всецело были созданы кокандскими ханами; ими же были созданы обширные оросительные системы, с использованием вод Кара-дарьи и Нарына, каких не было в Фергане даже в лучшую эпоху культурного прошлого Туркестана. Фергана впервые заняла первенствующее экономическое положение в Туркестане и вполне сохранило его при русских. Таким же наследием периода узбекских ханств является возвышение ны

нешнего главного города Туркестана, Ташкента, который еще при Абдулле-хане занимал гораздо меньшее пространство, чем теперь, и имел для культурной жизни Туркестана только второстепенное значение.

Будущность Туркестана, как всякой страны, зависит от того, какое положение будет принадлежать ему в мировой торговле. Торговое значение Туркестана, как капиталистической страны, всецело зависит от развития железнодорожных путей, восстановивших значение сухопутной торговли рядом с морской. Былое значение Туркестана для торговли с Дальним Востоком едва ли когданибудь будет восстановлено; мало вероятно, чтобы, рядом с сибирской дорогой, когданибудь был создан еще другой рельсовый путь в Китай через Туркестан; но остается еще нерешенным вопрос о будущем европейско-индийском рельсовом пути и о том, какое место в этом железнодорожном сообщении будет принадлежать Туркестану.

Вследствие этого Русский Туркестан имеет не только прошлое, но и будущее, тогда как Восточный или Китайский Туркестан, который, по физико-географическим причинам, никогда не будет иметь значения для железнодорожной сети, является исключительно страной прошлого.

Важнейшая литература по археологии и истории Туркестана указана в книге В. И. Масальского „Туркестанский край“, 1913 г. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, XIX, страница 794 и сл.; там же (стр. 273 и сл.) краткий очерк истории Туркестана; срв. рецензию на эту книгу в Зап. Вост. Отд. Русск. Археол. Общ., т. XXII. Более новые труды: В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, 1914; он же, Улугбек и его время, 1918.

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ

Государственного Издательства Туркестанской Республики.

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

Название	Автор	На каком языке
Киргизская грамматика „Тель-Курал“ часть I.	Байтурсунов	Киргизск.
Первый год обучения узбекскому языку „Узбекча Укуш“ I часть	Сайфи	Узбекск.
„Туркмен-Дэли“ I часть. Первый год обучения туркм. яз	Алиев	Туркменск.
Арифметический задачник I часть	Дулатов	Киргизск.
Книга для 3 года обучения „Узбекча-Укуш“ III часть	Сайфи	Узбекск.
„Туркмен-Дэли“ II часть. Второй год обучения Туркменскому языку.	Алиев	Туркменск.
Киргизская грамматика „Тель-Курал“ часть II, второе издание	Байтурсунов	Киргизск.
Киргизский букварь „Уку-Куралы“	Байтурсунов	Киргизск.
Справочник по дошкольному воспитанию	Коллек. труд	Узбекск.
Учебник правописания „Язу-Юллары“	Ильбек	Узбекск.
Социально-политический словарь	Тюрякулов	Рус -Узбекск.
Материалы с'езда узбекских работников просвещения по выработке орфографии и правил правописания.	—	Узбекск.

Название	Автор	На каком языке
Букварь для взрослых: „Каталлярга-Укуш“	Кадыров, Мукминов, Исламов	Узбекск.
Географическая карта Туркестана	—	Узбекск.
Букварь „Савга“	Шакирджан Рахими	Узбекск.
Уроки педагогики	Саагди	Узбекск.
Сборник стихотворений	Ильбек	Узбекск.
Гидрометрия	Владычанский	Русск.
Иллюстрированная басня: „Мартышка и очки“	—	Узбекск.
Иллюстрированная басня: „Мартышка и очки“	—	Киргизск.
История метрической системы	—	Русск.
Введение в сортоводство	Проф. Пангалло.	Русск.
Сборник статей посвященных Профинтерну	—	Русск.
Сборник статей посвященных Профинтерну	—	Узбекск.
Пьеса: „Разбойник-Алим“	Юнусов	Узбекск.
Грузоподъемные машины	Инж. Скорняков	Русск.
География	Балашев	Русск.
Новый русский букварь	Флеров	Русск.
Программа Р. К. П	—	Узбекск.
Программа Р. К. С. М.	—	Киргизск.
Основные моменты в развитии коммунистической партии	А. Бубнов.	Русск.
Очередные вопросы национальной политики	Г. Сафаров	Киргизск.
Введение в изучение тюркских литератур и наречий	Проф. Фалева	Русск.
Сборник стихов молодых поэтов	Коллек. труд	Узбекск.

ULB Halle

3/1

001 160 281

D: Wg 634/120

